

АНИЮТА ВАСИЛОВА

Анюта Васильева

Одержимость Сулима

<https://litres.ru/74238473>

Аннотация

Знаете, какого это, когда несёшь наказание за другого человека? А я, знаю! Я, игрушка самого Дьявола! По-другому назвать этого человека просто невозможно. Мне плевать, по какой причине его сердце окаменело. В его глазах лёд и пустота... Мне всё равно, что произошло в его жизни. Почему он стал настолько жестоким, что не пожалел родного брата. Я ненавижу его, но должна быть рядом, пока не найдётся моя горе сестра. Это по её вине я тут. Из-за неё терплю боль и унижение... Внимание!!! Книга не лайтовая. Драматическая история с Хеппи-эндом.(из героев никто не умрёт). #_Насилие и откровенные сцены секса. #_Эмоции на пределе. #_Герой жестокий подонок. Жаргонный сленг и мат!

Содержание

1 глава	4
2 глава	11
3 Глава	28
4 Глава	43
5 Глава	61
6 глава	74
7 Глава	87
Конец ознакомительного фрагмента.	91

1 глава

Внимание!!!

Дублирую ещё раз!

Книга не лайтовая. Содержит сцены насилия. Драматическая история с Х.Э

Если вы любите романтику, эта книга не для вас. Но, если вам интересно переживать эмоции вместе с героями...

Добро пожаловать!

— Яруша, тебя Нина искала, ты видела её?

— Нет, мам, ещё не видела!

Сбросив с ног кеды, бросаю на стоящий в коридоре пухлый рюкзак. С глухим стуком он падает на мягкую ткань, и этот звук почему-то кажется мне слишком громким, будто подчёркивает тяжесть дня, усталость, скопившуюся где-то под рёбрами. На секунду задержавшись у зеркала, поправляю волосы и прохожу на кухню. Мама привычно в фартуке, замешивает тесто. К вечеру будет что-то вкусненькое.

— Как на учёбе дела? Что новенького?

— Что там может быть новенького, мам? Всё на одном месте топчемся. Боровая никак с больничного не выйдет, а заменяющий её профессор сильно не торопится нам новую тему разжёвывать. Я уже молчу о том, что сессия на носу.

Потом будем носиться как ужаленные, изучая всё разом. В общем, тупо гоняют по пройденным материалам.

— Повторение — мать учения!

— Да я не спорю, мам. Но всё должно быть в меру, — открыв холодильник, бесцельно изучаю его содержимое и захлопываю, так ничего и не взяв. Хлопок дверцы звучит резко, почти сердито, и я на миг замираю, будто сама испугалась этой вспышки раздражения, хотя злюсь вовсе не на холодильник, а на всю эту бесконечную череду одинаковых дней, на которые уже просто не хватает сил. — А что Нина от меня хотела?

— Не знаю. Я думала, она во двор вышла. Где её опять носит? Неугомонная! — мама вытирает руки полотенцем, устало опускается на стул. Плечи её поникли, и в этом движении столько изнеможения, что у меня внутри всё сжимается от вины — я ведь прекрасно знаю, сколько ночей она не спала, переживая за Нину, а я только и делаю, что стараюсь всё сгладить, спрятать, не дать ей увидеть самое страшное. Всё равно ничего не изменит. — С института вышвырнули, — начинает ричитать. — Совсем же немного оставалось. Дома не появляется. Опять вся дёрганая какая-то вернулась.

— Мам! Прекрати себя накручивать. Нина просто до сих пор оправиться не может. Это у неё защитная реакция. Танюшка говорила, видела её на дискотеке в прошлые выходные. Она просто танцевала и даже к алкоголю не притрагивалась, — выпиваю залпом стакан сока, потому как нагло вру

матери.

Но уж лучше так, чем она будет себя снова терзать.

Нина была в длительных отношениях с Мишей Горюновым. Этот парень мне никогда особо не нравился, но Нина просто с ума по нему сходила. Он неоднократно ей изменял, она знала об этом, но молчала, затыкала всем рты. Говорила, что они лгут, а Миша её любит. Даже в момент, когда застала его целующимся с другой девушкой, этот говнюк сумел отвертеться. Ну вот как?

Не понимаю я её больной любви.

В конце концов Михаил её бросил окончательно. После этого Нина больше месяца не выходила из своей комнаты, а потом буквально пустилась во все тяжки.

Сомнительные друзья, дискотеки. Это, кстати, для мамы дискотеки — просто танцы и не более. А так это уже давно бары и ночные клубы. Пусть в нашем городе их не слишком много, но Нина частый гость в каждом из них.

«В твою комнату уже давно по утрам невозможно войти», — стойкий запах перегара едва не сбивает с ног, — «Нина, ну что ты делаешь? Ты снова пила!»

«Вали из моей комнаты, быстро!» — проглотив колкий ком обиды, собирая её вещи с пола. Пальцы дрожат, когда я поднимаю с пола скомканную футболку и старые джинсы. В груди поднимается горькая, колючая волна — не столько злости, сколько бессилия: я не знаю, как до неё достучаться, как вернуть ту сестру, с которой мы когда-то могли болтать

до рассвета, делясь самым сокровенным.

Такой дерзкой и неуравновешенной моя сестра стала примерно с полгода назад.

— Ярослава, ты слышишь меня? — отвлёкшись на воспоминания, пропустила вопрос от мамы, — я спрашиваю — голодная? Я суп свежий сварила, пирог мясной в холодильнике ещё остался со вчера.

— Не хочу, мам, спасибо!

Кушать в самом деле не хочется! С учёбы меня встретил Давид. Как бы я ни отказывалась и ни отнекивалась, он всё-таки утащил меня в придорожное кафе, где напоил кофе и накормил моими любимыми эклерами с заварным кремом.

Давид Агиян ухаживает за мной с самой школы. Он очень хороший, добрый, понимающий, отзывчивый. А главное, он умеет слушать! Правда, бывает, что он начинает меня осуждать. Говорит, что я неправильно делаю, что покрываю сестру, мол, этим я делаю только хуже.

В принципе, не могу с ним не согласиться. Да, действительно, не думаю, что это хорошо, но если я начну говорить маме правду, она снова сляжет с давлением.

У Нины очень упрямый характер. Она почему-то никогда не слушает ни меня, ни маму. Хорошо, я согласна, как младшая сестра, возможно, я и не авторитет для неё, но мама?..

Зато Нина активно прислушивается к мнению других. Своих друзей, например! Которых я органически не перевариваю. Или же слушает каких-нибудь других, совершенно

непонятных, едва знакомых ей людей.

Частенько друзья сестры проявляют ко мне излишнее внимание, если мы вдруг где-то пересекаемся.

Хотя я и редко хожу в шумные заведения, но тем не менее время от времени Татьяне удаётся вытащить меня в ночной клуб потанцевать.

Один из последних моих походов едва и вовсе не закончился дракой между мной и сестрой. А ведь раньше, как бы мы ни ругались, какие бы отношения у нас ни были, но до драк никогда с Ниной не доходило. Всё заканчивалось словесной перепалкой.

В прошлом месяце мы в очередной раз столкнулись в одном из клубов нашего города. Я, танцуя, случайно задела довольно неприятного молодого человека. Он расценил моё неловкое движение, конечно же, по-своему. Стал отпускать в мой адрес похабные шутки.

Давид в тот вечер был вместе с нами. Конечно же, он вступился за меня. Разбил наглому уроду нос и вывихнул ему руку.

Как позже выяснилось, урода звали Костик, и этот Костик оказался другом моей сестры, да настолько близким, что она гневно высказалась в мой адрес бранной тирадой. Нина с силой толкнула меня в плечо. Мне стало настолько обидно, что я едва могла сдерживать слёзы, а главное, и самое отвратительное, было бы из-за кого ругаться...

Весь в наколках. Да, именно в наколках, что явно говори-

ли о том, что недавно этот Костик освободился из мест не столь отдалённых.

Обратив внимание на столик, за которым находилась моя сестра, я поняла, что там немало таких. Развязные девушки и не совсем молодые, но такие же «синие» парни.

Я так и не поняла мотив сестры. Возможно, она решила показать себя перед своей компанией с лучшей, как ей казалось тогда, стороны. Она впервые прилюдно оскорбила меня, назвала тупой овцой и приказала идти домой.

Несмотря на испорченное настроение, я не хотела ей подчиняться. Скажи она мне всё это спокойно, несомненно, я бы пошла домой. Но вот её тон и её приказы во мне вызвали только дикий протест. Я наотрез отказалась слушаться её.

Сестра снова толкнула меня в плечо, я налетела на Татьяну и только после этого одна из подруг Нины встала из-за стола и, к моему же удивлению, начала заступаться за меня. Девушка в мешковатом платье и с не слишком броским макияжем показалась мне довольно адекватной, в то время как Нину я просто не узнавала. В тот момент, глядя на сестру, я почувствовала, как внутри что-то надломилось: передо мной стояла не та Нина, которая когда-то учила меня кататься на велосипеде и прятала от мамы мои плохие отметки, а чужой, жёсткий человек, которого я боялась и не понимала.

Тряхнув головой, я прогоняю неприятные воспоминания и выхожу из кухни. Холодный воздух коридора будто смывает с меня остатки того вечера, и я делаю глубокий вдох, ста-

раясь вернуть себе хоть каплю спокойствия, хотя понимаю, что эти воспоминания всё равно будут возвращаться, царапая изнутри каждый раз, когда я увижу сестру.

Зайдя в свою комнату, сразу же сажусь за ноутбук. К понедельнику нужно приготовить объёмный доклад. Это первое задание в этом году по социологии. Я успела соскучиться за время коротких каникул по учёбе, поэтому к выполнению приступила с особым рвением.

Я привычно разложила перед собой огромное количество книг и методичек, которые знала чуть ли не наизусть. Дополнительно покопавшись ещё и в сети, я нашла всю нужную мне информацию. Очень много книг у меня остались от отца, когда-то он был ректором нашего вуза. Молодой и очень красивый! Мама была аспиранткой, там они и познакомились. Его не стало, когда мне было семь. Странно, но я почти не помню его... Иногда, касаясь потрёпанных корешков его книг, я пытаюсь поймать хоть какой-то отголосок его голоса, его запаха, но память упрямо хранит только смутные образы, и от этого становится особенно горько — будто я теряю его снова и снова, каждый раз, когда не могу вспомнить что-то важное.

Спустя примерно пару часов раздался короткий стук в дверь.

2 глава

— Дочка, можно? — Да, мам, конечно, чего спрашиваешь?

Мама у меня очень воспитанная и пунктуальная. Она никогда не нарушает личные границы, ни мои, ни моей сестры. Она очень нам доверяет. И если я стараюсь не разочаровывать маму, не подрывать её доверие, то как раз сестра этим активно пользуется! В груди каждый раз что-то сжимается от несправедливости — я столько сил трачу, чтобы не дать ей повода усомниться во мне, а Нина будто нарочно проверяет, сколько ещё мама сможет выдержать, прежде чем её терпение лопнет.

— Яра, я же тебе самого главного не сказала!

— Что-то случилось, мам? — в голосе проскальзывает тревога, я даже выпрямляюсь.

— Ну, страшного ничего не произошло. Меня отправляют на стажировку. На месяца четыре-пять.

— Ого! Далеко, мам?

— В столицу.

— Ну блин, мам! Ну как мы без тебя?

— Ну ты ещё разревись, дитё малое, — и шутливо щёлкает меня по носу. Но в этом лёгком жесте столько нежности, что глаза всё равно щиплет, и я быстро моргаю, чтобы не выдать, насколько мне сейчас страшно остаться одной, наедине

с сестрой.

Один-два раза в год мама ездит на повышение квалификации. Она у меня работает акушером-гинекологом. Только обычно самая длительная её командировка длится месяц-полтора. Это первый раз, когда маму отправляют так долго.

— Сама стажировка стандартная, но после, будет небольшая практика. Говорят, что за границу некоторых отправят. Но пока это на уровне слухов, — поясняет мама, словно прочитав мои мысли.

— Мам, да поезжай, конечно. Мы уже взрослые. Неужели мы не справимся?! — расправив плечи, стараюсь говорить твёрдо. Хочу показать, что я сильная, но пальцы сами собой сжимаются в кулаки, будто это поможет удержать внутри ту панику, которая уже расползается по венам.

— Да за тебя-то я не переживаю, — произносит со вздохом, — ты у меня умница! Сестра вот, — качает головой, — вчера опять домой не приходила ночевать.

— И что, не предупредила? — хмурю брови, мысленно уже браня сестру, и в груди вскипает смесь обиды и злости: как можно быть такой равнодушной к маминым переживаниям?

— Да, предупредила. Смску среди ночи прислала.

— Мам, ей почти двадцать пять. Хватит её опекать!

— Были бы в эти двадцать пять мозги. Я бы так не переживала.

— Мама, ты накручиваешь себя. Всё же нормально.

— Не знаю. Утром, когда объявилась, даже не поздоровалась. Прошла мимо, говоря по телефону. Вроде как сегодня опять собирается на открытие ночного клуба, кажется.

— Да, я слышала! Тигран открывает на набережной ещё один клуб. Намного больше, чем в центре у него, представляешь? Мама хмурится, очевидно не понимая, про какой именно клуб я говорю.

— «Бурсул»! Тот, что напротив салона, в который ты ходишь.

— А, поняла. — Таня меня как раз сегодня звала сходить на открытие. Влад устроился туда охранником, сказал, проведёт нас. Только я не...

— Сходи! — неожиданно выпаливает мама. Я аж воздухом поперхнулась.

— Мама, ты не заболела? Ты же всегда против ночных гулянок была, — произношу даже немного с настороженностью в голосе. — Да у тебя же чтобы отпроситься, нужно семь потов пролить! И мои двадцать, и Нинины двадцать пять — вообще не аргумент.

— У тебя голова на плечах есть, Ярослава! К тому же ты отвечаешь на каждый мой звонок. А вот Нина... что-то мне покоя не даёт. Так хоть присмотришь за ней!

— Вот спасибо, мам! Вместо танцев ходить хвостом за Нинкой. Внутри всё сжимается от досады. Неужели мама в самом деле хочет, чтобы я с ней... Нет! Только не это. Да я

и пяти минут в её компании...

— Будто она позволит ходить за ней хвостом, — парирует мама, не давая мне закончить мысль. — Просто будешь поглядывать время от времени. — последнее, что сказала мама, и как ни в чём не бывало вышла за дверь.

Да уж. Если бы мама знала, до какой степени «поглядывать» за Ниной непросто. Это всё равно что пытаться удержать ураган в ладонях.

Я не очень хотела сегодня в клуб и, если честно признать-ся, рассчитывала, что называется, соскочить. Думала, мама, как обычно, скажет, что подобное место не самое подходящее для меня. Ну, или что-то в этом роде. В общем, Татьяне на самом деле, если что, сходить есть с кем. Но она очень хотела именно со мной.

Я же в свою очередь не хотела идти только потому, что Давид со своим отцом уехал в другой город почти на две недели.

Вообще в клубы в основном я хожу с подругами. Но с Давидом у нас условие. Я могу ходить гулять по вечеринкам, по дням рождения, но только если он будет рядом. Необязательно в нашей компании, но где-то поблизости. Такой формат меня более чем устраивает. Тем более Давид старше меня на два с половиной года, у него своя компания друзей, и менять он её точно не планирует.

У моего молодого человека семья очень строгая. Подозреваю, что они не в восторге от его выбора. Знаю, что своей

матери он сообщил о том, что его избранница — девушка не их национальности. И с того момента Давид прекратил заводить разговоры о моём знакомстве с его родителями.

Совру, если скажу, что меня это не трогает. Но я стараюсь пока что об этом даже не думать.

Давид со своей семьёй приехал в наш город пять лет назад. Он заканчивал одиннадцатый класс уже в нашей школе.

Отец моего парня расширял свой, тогда ещё небольшой, бизнес. Именно с этим и был связан их переезд сюда. Теперь у семьи моего молодого человека своя сеть кафе. И сейчас он со своим отцом поехал договариваться о новых поставках морепродуктов.

Отвлекать парня от работы мне совершенно не хотелось, но и молча пойти с Татьяной в клуб я тоже не могла. Трубку он взял после второго гудка и попросил говорить очень быстро. Я сбивчиво объяснила ему, что мама просила приглядеть за сестрой. Но и честно призналась, что и сама хочу пойти.

Пока говорила, нервно покусывала костяшку пальца. И в груди всё сжималось от неловкости. Мне так хотелось услышать, что он скажет «я сам приеду», что всё будет хорошо, но я знала, что он не скажет этого. Чувствовала, что Давид не очень доволен, но возражать не стал. Только попросил быть осторожней, сказал, что его друзья наверняка пойдут в клуб и, если что, присмотрят за мной. На этом разговор у нас закончился, к тому же я услышала, как Давида окликнул недо-

вольный голос отца.

Закончив работу над докладом, убираю его в файл и кладу на край стола. Набираю сообщение Татьяне, что сегодня мы вместе таки идём на открытие нового клуба. В ответ мне летят смешные смайлики: сердечки и поцелуйчики. Ещё через пару минут короткое сообщение: «Заеду в девять».

Надевать коктейльное платье не очень хочется. Зная, что Давида не будет рядом, мне как-то даже некомфортно. Привыкла, что он всегда если не со мной, то где-то поблизости.

Да вот только монашеский костюм в ночной клуб — тоже не вариант.

Найти бы компромисс, но в гардеробе у меня ничего подходящего нет! А что я вообще могу туда надеть, зная, в каком наряде придёт Татьяна. Любое моё платье длиной чуть ниже середины бедра будет смотреться на мне как на белой вороне.

В конце концов, чего я загоняюсь? Давид ведь позволил мне пойти. К тому же там будут его друзья, которые в случае чего за мной присмотрят. Я мало кого знаю из компании Давида. Он меня представлял всего двум своим приятелям. Остальные же просто знают, что я — девушка Давида Агьяна.

Выуживаю из шкафа пёстрый красно-белый топ и красную кожаную юбку с завышенной талией. Хотелось бы, конечно, надеть тонкие капроновые колготки, но увы, последний раз, когда я ходила на день рождения Светы Лариной, в

них мне было крайне некомфортно танцевать. А Танька не даст мне сидеть на месте. Поэтому надеваю чулки, выуживаю новёхонькие босоножки, благо погода пока ещё позволяет их надевать. На всякий случай беру с собой облегчённую ветровку. Возвращаться буду на такси, но мало ли. Вдруг придётся подождать его немного на улице.

Делаю яркий макияж. Почему яркий? Да потому что без него меня не пропустят в клуб. Даже если я им сотню доказательств помимо паспорта предоставлю о том, что мне уже двадцать.

Давид смеётся и говорит, что я — это два совершенно разных человека. Когда впервые Давид познакомил меня со своим лучшим другом, они прямо при мне стали спорить. Арам утверждал, что Давид водит его за нос, и в университете он показывал ему не меня, а совершенно другую девушку, мышку-норушку, а сейчас перед ним эффектная девушка. Всё потому, что выгляжу я очень молодо. Кстати, также, как и моя мама. Никто ей не даёт сорок пять лет, максимум тридцать семь. И то при условии, что она не выпалась и не нанесла на лицо ни грамма косметики.

Со мной примерно та же история! Без косметики я практически школьница. Поэтому ярче крашу глаза, наношу на губы небольшой слой помады, капелька духов на шею и запястья. Каждое движение перед зеркалом кажется каким-то механическим, будто я собираю себя по частям, надеваю броню из косметики и одежды, чтобы выйти в мир, где

мне придётся быть сильной, где нельзя показывать, как мне страшно. И всему виной моя сестра, конечно.

— О, а ты куда собралась? — спустя примерно минут десять в комнату бесцеремонно входит Нина. Проходя впереёд, сестра наклоняется над моим туалетным столиком, берёт несколько карандашей и палетку с тенями. От этого внезапного вторжения по коже пробегает неприятный холодок, и я на секунду замираю, будто меня застали врасплох, хотя я ничего не делаю — просто собираюсь на вечеринку.

— На открытие клуба с Таней идём, — ответ мой звучит несколько заторможенно.

— Хера ли вам там делать? — у меня из рук едва духи не выпали. Сердце на миг пропускает удар, а потом начинает колотиться где-то в горле — эта её резкость всегда бьёт точно в самое уязвимое место.

— Да как бы тоже потанцевать хотим, — честно признаться, шокирована таким выпадом сестры, но высказываться по этому поводу мне не хочется. Не хочу нарываться на скандал. — Говорят, там диджей столичный будет.

— Так Давидик вроде как уехал!

— И что? Мне теперь закрыться и дома сидеть, никуда не выходить?

— Да нет, почему? — проговорила совершенно бесцветным тоном сестра.

— Мама говорила, ты искала меня, — перевожу тему. — Что ты хотела?

— Да ничего не хотела. Просто спросила, где ты есть, и всё.

— Понятно.

Сестра уходит, а я продолжаю свои сборы. Мне на них нужно куда больше времени. Волосы выпрямляю. Затем, сменив насадку, при помощи стайлера укладываю локоны в причёску. Надеваю бижутерию: серьги и браслет. В сумочку кладу зеркальце и расчёску. Так, ну вроде ничего не забыла. Татьяна, как всегда, пунктуальна. Ровно в двадцать один ноль-ноль мой телефон издаёт сигнал о входящем сообщении. Захожу в гостиную, чмокаю сидящую на диване маму в макушку.

— Нина что, убежала уже?

— Минут двадцать назад.

— Понятно. Всё, я тоже побежала, Татьяна уже подъехала.

— Давай! Только смотри внимательно и алкоголя много не пей.

— Мы с Таней в клубах лишнего не позволяем себе.

— Да знаю я. Ты у меня золотой ребёнок. Беги, давай. Мама улыбается, но в её глазах я замечаю тень тревоги, и от этого на сердце становится тяжело: она старается казаться спокойной, но я вижу, как ей страшно за нас обеих. — Славка, ты бомбезно выглядишь! — увидев меня, Таня с воплями выскакивает из автомобиля премиум-класса и практически бегом направляется ко мне.

— Таак, — тяну я, — и откуда у нас такая роскошь, по-

друга? — легонько отвечаю на поцелуй в щёку.

Нет! Танины родители, конечно, не бедствуют, и подруга может позволить себе брендовые вещи покупать не только в дни бешеных скидок. Но чтобы Mercedes премиум-класса...

— Эй! Ты только не заводишь. Я познакомилась с офигенным парнишкой. Ну, как парнишкой, ему немножечко за тридцать. — Подкатываю глаза и смотрю на подругу со снисходительной улыбкой. — В общем, мы общаемся чуть больше двух недель. Прости, что не рассказала раньше, боялась сглазить! В общем, я ему сказала, что иду сегодня на открытие клуба с подругой, и он сам проявил инициативу, — сказал, что неправильно будет двум красивым девушкам трястись в такси. Вот и прислал машину с водителем.

— Тань, ну ты опять?

— Ну не нуди, подруга. Нормальный мужик. Влад его знает.

— Точно?

— Точно!

— Ну тогда ладно. Думаю, твой брат сказал бы тебе, если бы мужчина был такой же, как и предыдущий твой «парень».

А предыдущий воздыхатель моей подруги оказался настолько охреневшим мудаком, что не только забрал у неё все подарки, которые успел подарить за два месяца, пока они встречались, но и напоследок избил её так, что Таня больше недели лежала в больнице. Танюша у меня вовсе не какая-нибудь разгульная девушка. Просто она считает, что не

стоит тратить свою молодость на бестолковых ровесников, от которых никакого толку нет. «Ни перспектив, ни работы. Только гуляют и бухают. Ничего им от жизни больше не нужно», — говорит моя подруга. Я не могу с ней не согласиться, это мне с Давидом повезло. А вокруг действительно парни только пьют, гуляют и с девушками... Ну, в общем!

В конце концов, не повезло ей на самом деле пока что только с одним мужчиной. Перед Глебом Викторовичем, тем самым, который над Таней и... Короче, не обошлось одним избиением тогда. Он ещё над моей подругой и надругался.

До этого недочеловека Таня встречалась с мужчиной сорока трёх лет.

Да, он был женат! Но обращался этот дядечка с Татьяной, как с фарфоровой куколкой.

Их отношения длились чуть больше полугода. Я, конечно, не скажу, что была в восторге оттого, что подруга по сути вторгалась в чужую семью, но и её понять могла. Ей действительно некомфортно с ровесниками. Даже в одной компании, когда среди нас ещё присутствуют другие парни, Таня с ними практически не контактирует. Потому что ей неинтересно! То ли дело со зрелыми мужчинами! Ей всегда есть о чём с ними поговорить. Подруга у меня довольно умная. Начитанная и в классической музыке хорошо разбирается.

Танюшка на полтора года старше меня и учится на юридическом. Причём идёт на красный диплом. Ещё она активно интересуется политикой, в том числе и зарубежной, и обо-

жает историю. Может быть, поэтому взрослым мужчинам с Таней тоже интересно. Она не высказывает глупых мыслей, как я могу, например, это сделать, хотя тоже учусь неплохо и интересы у меня разнообразные. Вообще, подруга у меня довольно сдержанная, пусть и со своими принципами.

Отношения с женатым крупным бизнесменом, может быть, длились бы и гораздо дольше, но каким-то образом жена Станислава Романовича узнала о молодой любовнице мужа. Явилась к Тане прямо домой. Подруга не рассказала мне подробности разговора. Она сказала только то, что жена Прохорова очень интеллигентная женщина. Мол, она просто объяснила ей, что со Станиславом им не по пути. А через месяц Станислав Романович вместе со своей супругой и вообще навсегда уехал из нашего города.

Таня очень долго переживала этот разрыв. Пока вот не встретила того самого мудака, из-за которого загремела в больницу. Таня, кстати говоря, не заявляла на Глеба в полицию, просто потому что бесполезно. У него всё и везде схвачено. Впрочем, уже меньше чем через месяц его покарала сама судьба. Глеб Викторович лишился бизнеса, а ещё через месяц и вовсе пропал без вести. Но нам его, конечно, и не жалко совсем.

Забравшись в салон дорожущего авто, решаю, что с подругой я спорить не буду. Просто потому, что бесполезно! Здесь два варианта. Либо мы поругаемся. Либо мы... Поругаемся! Настроение у меня хорошее, портить его не хочется. Тем

более помню о том, что еду туда не только потому, что хочу танцевать. Но и потому, что мама просила приглядеть за сестрой. И эта мысль тяжелым камнем ложится на мою душу, напоминая, что этот вечер — не просто отдых, а ещё одна ответственность, которую я сама на себя взяла.

В клуб приезжаем уже в самый разгар веселья. Торжественная часть уже прошла, и народу не протолкнуться.

— Танюш, похоже, мы опоздали, свободных столиков нет!

— Идём, идём! Для нас всегда найдётся местечко.

Подруга за руку тянет меня вперёд практически через весь зал. Я несколько раз локтями сталкиваюсь с гостями клуба, при этом чувствую некую неловкость.

Место и вправду нашлось. Мягкие красные диванчики, расположенные у бортиков второго этажа. Это не совсем VIP, но уже и не рядовой танцпол, вокруг которого расставлены столики. Здесь отдыхают, как я поняла, заметив несколько знакомых лиц из нашего универа, дети богатеньких родителей. По-простому — мажоры. А вот уже в трёх закрытых VIP отдыхать могут себе позволить только очень и очень солидные дяди. Ну или тётки!

Заказываем с подругой по безалкогольному коктейлю и сырные шарики. Мы с Татьяной их просто обожаем. Обычно при походе в клуб у нас больше денег уходит именно на эти самые шарики, нежели на сами коктейли.

Попутно среди толпы пытаюсь отыскать сестру и нахожу. Снова непонятная компашка. Вижу, как к ним подходит

охрана и, по всей видимости, делает за что-то замечание. Нина тут же отходит в сторону и садится уже за другой столик, что расположен практически в самом углу зала. Сердце каждый раз сжимается, когда я вижу её вот так — отстранённую, будто специально выбирающую самые тёмные углы, где её никто не заметит.

В груди поднимается горькая смесь тревоги и бессилия: я столько раз пыталась до неё достучаться, а она будто строит между нами стену, кирпич за кирпичом, и я не знаю, хватит ли у меня сил её разрушить.

Играет ритмичная музыка, и всё вроде бы хорошо. Сестра ещё пару раз мелькнула в толпе и куда-то скрылась. Наверное, просто отошла ненадолго. На то, что поехала домой, даже не надеюсь. Тут слишком весело и народу битком, Нина такое очень любит.

На удивление, несмотря ни на что, вечер просто потрясающий. Единственное, что меня огорчает, — это то, что сколько бы я ни разглядывала людей, которые пришли отдыхать в этот клуб, никого из друзей Давида я не увидела. И это само собой меня несколько беспокоит.

— Славка, кого ты ещё, кроме сестры, высматриваешь?

— Давид сказал, что его друзья будут здесь и присмотрят за мной, — подруга закатывает глаза.

— Ярослава, успокойся, расслабься и получай удовольствие. В кои-то веки вышла отдохнуть без надзора.

— Да не особо мне мой надзор и мешает, — Таня лишь

вздыхает, но больше ничего не говорит.

Ну и бог с ним. Я что, маленькая? Заказываем по одному лёгкому, но уже алкогольному коктейлю и, опустошив бокалы, идём на танцпол. Решаем спуститься вниз, так как на втором этаже уже танцуют две небольшие компании и среди них вдвоём как-то не особо комфортно. Поэтому мы спускаемся в общий зал.

Покачивая бёдрами в такт музыке, мы с подругой улыбаемся, не обращая внимания на назойливые подкаты парней. Просто делаем шаг в сторону, если кто-то из молодых людей пытается подстроиться к нам. Но даже эти лёгкие уклонения даются мне с трудом: я будто всё время держу в голове невидимый щит, готовый закрыться от любого лишнего взгляда, от любого намёка на опасность. И от этого танец выходит каким-то напряжённым, словно я танцую не ради удовольствия, а чтобы доказать себе, что могу быть свободной, даже когда внутри всё сжато от тревоги. Я слишком привыкла, что за мной всегда присматривает мой парень.

— Слава, идём закажем ещё по коктейлю. Пить очень хочется!

— Хорошо. Только я безалкогольный!

— Да, пожалуйста! — подойдя к бару, заказываю себе обычную воду без газа, подруга берёт себе мохито.

Симпатичный голубоглазый бармен улыбается нам и предлагает по коктейлю за счёт заведения. Парень милый и не кажется слишком назойливым, поэтому с лёгкими улыб-

ками вежливо отказываемся.

— Добрый вечер, девочки! Как отдыхаете? — подошедшего мужчину с чуть хрипловатым баритоном я узнаю сразу. И то, что он по-хозяйски кладёт руку на талию моей подруги, мне совершенно не нравится.

— Тигран, познакомься, — это моя близкая подруга Ярослава Лесных, — подруга зачем-то говорит ещё и мою фамилию.

Конечно же, заочно Тиграна Гуладзе знает весь наш маленький город. Ну, может, про всех я и погорячилась, конечно, но среди молодёжи Тигран — личность известная. К тому же он активно ведёт инстаграм.

— Очень приятно! — хозяин заведения протягивает мне руку, и я отвечаю на лёгкое рукопожатие.

— Мне тоже, — выдавливаю из себя улыбку, стараясь, чтобы она не выглядела натянутой, хотя внутри всё ещё зудит некое чувство дискомфорта. — Поздравляю с открытием очередного заведения.

— Благодарю! — вот что за человек? Обнимает мою подругу, но при этом в открытую рассматривает меня. — Танюша! — обращается к подруге, не прекращая глазеть... — У вас тут что-то неправильно.

— В смысле? — переспрашивает подруга, и я также хмурюсь в недоумении.

— Но ведь, как правило, если ты красавица, подруга должна быть поскромнее.

— А у нас я поскромнее, — отвечает подруга через небольшую паузу, и ей не удаётся скрыть обиду в голосе.

— Нет! Просто вы обе невероятно красивы. Разница только, что ты блондинка, а твоя подруга — шатенка.

Несмотря на то, что Тигран сгладил неловкий момент, всё равно я чувствовала напряжение. Но оно рассеялось, как только у хозяина клуба зазвонил телефон, и он тут же на него ответил. Я едва заметно выдыхаю, будто только что удержалась на краю чего-то неприятного, и ловлю короткий, благодарный взгляд Тани — мы обе понимаем, что этот разговор мог пойти совсем не туда, и сейчас мы обе рады, что его прервали.

3 Глава

— Да! Что?!

По лицу Тиграна было видно, что в клубе произошло какое-то ЧП. Тем более он больше и не взглянул на нас. Быстро пошёл в сторону выхода. Его плечи были напряжены, а шаг — резким. От его спешки по моей спине пробежал неприятный холодок: если такой уверенный в себе человек так торопится, значит, случилось что-то по-настоящему страшное.

— Похоже, произошло что-то серьёзное, — произношу со вздохом. Все разборки с подругой по поводу её выбора потом.

— Думаю, да. Чтобы такой мужчина так быстро бегал... Это действительно что-то очень серьёзное! Ладно, Ярка, пойдём ещё немного потанцуем.

— Давай! А то уже скоро собираться.

— Да, конечно! Тиграна ждать точно не будем.

Что мне ещё нравится в моей подруге: как бы то ни было, какие бы чувства она ни испытывала, за мужчинами Татьяна никогда не бегает. Не пишет первая больше одного раза, это же касается и звонков! Если мужчина сам не перезвонил, Татьяна ни за что не будет навязываться.

Примерно через сорок минут мы с подругой вызываем такси. Татьяна живёт на два квартала ближе, поэтому сначала завозим её.

Сердце неприятно щемит, в гостиной горит свет, значит, мама не спит.

— Что-то ты припозднилась, — произносит тихо.

— Мам, ты чего не спишь? — мама кутается во флисовый плед, вид обеспокоенный.

— Да не знаю... Ты Нину видела?

— Мам, видела! Она была в клубе. Только вот буквально пару раз мелькнула и куда-то пропала. Я ей позвонила, но, видно, она не слышала из-за громкой музыки, — беспокойство мамы передаётся и мне. — Было очень много народу. Мы просто потерялись в толпе, вот и всё.

— Хорошо, — произносит устало. — Идём спать! Я завтра уже уезжаю. Вернее, уже сегодня, в десять утра поезд.

— В смысле, мам, в субботу?

— Ну вот так вот! — разводит мама руками. — Нашей мегере, видите ли, надо прикупить кое-что. Пройтись по магазинам!

— А у нас что, в городе хороших магазинов нет?

— А а а! Провинциальный ширпотреб мне не нужен! — смешно приподняв вверх палец, кривляет свою начальницу мама.

Вообще заведующая отделением — женщина неплохая, но у неё, как говорит мама, случается ПМС. Не ежемесячно, слава богу, гораздо реже, так как женщине уже за шестьдесят. Но следит она за собой, как двадцатилетняя девчонка.

— Ну ладно, мам, что теперь поделать. Ты сама-то успела

собраться?

— А мне чего собираться? Мне красоваться не перед кем.

Я как-то спрашивала у мамы, почему она не найдёт себе мужчину.

Не могу сказать, что я не ревновала маму, но когда я начала встречаться с Давидом, вдруг поняла, как же хорошо, когда кто-то уделяет тебе внимание. Так приятно получать цветы и подарки.

Любой женщине хочется любви и ласки. Мама тогда ответила мне, что уже настолько привыкла быть одна, что вряд ли сможет вытерпеть рядом с собой кого-то.

Хотя я думаю, на самом деле дело в моём отце! Они слишком сильно любили друг друга. Моей маме до сих пор сложно свыкнуться с мыслью, что кто-то другой будет её касаться. Я слышала, как она говорила это своей подруге.

Ну или, возможно, она просто не смогла найти за эти годы достойного. Мама всегда говорит, что папа был идеальным. Внимательным, заботливым, терпеливым. Умеющим не просто слушать, а слышать. За тринадцать лет их брака они ни разу всерьёз не поругались. Конечно, были споры и недопонимание, но всегда удавалось сгладить конфликт...

Сестра домой так и не явилась!

Я проснулась в восемь утра, чтобы проводить маму. Ожидая, она была вся дёрганая: позвониться до сестры ей так и не удалось! «Абонент вне зоны доступа».

С огромным трудом я нашла номер подруги сестры. Той

самой девушки, что не позволила нам с Ниной подраться в клубе.

— Алло, Лена, ты не знаешь, где Нина? Это её сестра, Ярослава.

— Что ты хотела?

— Нина не пришла ночевать. Ты не знаешь, где она?

— Где она, я не знаю. Сбежала! Подставила и себя, и нас всех, идиотка.

— В каком смысле подставила?

— В обыкновенном! Эта дура толкнула одному мажорчику, которому только вчера исполнилось восемнадцать, «Зелёного червя», и не просто мажору, а племяннику очень крутого мужика. Сегодня утром он прилетел в наш город. Вам с матерью лучше куда-нибудь уехать. Бараев вас с землёй сравнивает, если Нинку не найдёт раньше, — от шока я не могла произнести и слова. Что она такое говорит? Какой ещё «Зелёный червь»? Какой мужик? Руки затряслись так сильно, что телефон едва не выскользнул из пальцев, а в груди всё сжалось в тугой комок, не давая сделать нормального вдоха.

— Лена, ты пьяная?

— Сама ты пьяная! Не звони больше. Мне ещё не хватало проблем из-за твоей сестры. Мне тоже пришлось уехать, нам всем пришлось съёбываться. Сулим не тот человек, который будет церемониться с кем-либо! Он — настоящее чудовище. За единственного родного племянника живьём в землю закопает. Так что лучше куда-нибудь сваливайте.

Лена сбросила вызов, а я какое-то время не могла отойти от шока. Замерев, стояла посреди комнаты, пока не услышала, что меня снова окликнула мама.

Выйдя за дверь своей комнаты, сначала захожу в ванную. Умываюсь прохладной водой. Руки трясутся, но сказать маме всё как есть я не могу. У нас нет отца. Нет защиты! Полиция? Лишь на мгновение мелькнула мысль. Но тут же вспоминаю, как два года назад у нас угнали машину. Мы знали кто, мы знали, где их искать. Потому что всё сняла хорошего качества камера наблюдения, висевшая на подъезде. Но справедливости мы так и не добились.

Хотя машина наша была и старенькая, но для мамы она, как память о папе, была очень ценная. Обычные малолетки, чьи родители работали на хороших должностях, решили покататься. Разбили её так, что и ремонту не подлежала. Сотрудник полиции прямо сказал, что бесполезно что-либо предпринимать...

А здесь вообще непонятно что! А вдруг это наркотики? Тогда и Нину упекут за решётку. Нет уж. Пусть лучше мама и правда едет в свою командировку. Позвонить и вызвать её обратно я всегда успею.

Да и вообще. Вдруг это Лена вообще что-то напутала? Нина уже пару раз без предупреждения не ночевала дома. Возможно, просто вчера она снова перебрала и сейчас крепко спит у какой-нибудь подруги...

— Мам! Нет, ну ты представляешь? — прохожу в гости-

ную, где мама проверяет, всё ли взяла. Но вид, конечно же, крайне растерянный. Я стараюсь сделать свой голос максимально бодрым, — Нинка вчера, оказывается, со своей подружкой на спор пили какой-то новый коктейль. Кто быстрее и дольше продержится. И её унесло, конечно же! — ничего умнее я, разумеется, не придумала, да и мама должна точно поверить и не переживать раньше времени. — В общем, она спит у той самой подружки, с которой пила. Поговорить мне с ней, правда, не удалось... Лена трубку ей под ухо сунула, а она мне: «Отвали, я спать хочу».

— Правда? Ну слава богу! — мама выдохнула, слава богам, поверила. — Когда явится домой, пусть мне позвонит. Я ей такое устрою! — грозит кулаком и берётся за ручку чемодана.

— Ладно, мам. Главное, что с ней всё нормально.

— Ну да. Слава богу! Так, ладно, всё, пора выезжать, а то на поезд опоздаю.

Закрыв за мамой двери, прохожу на кухню и наливаю себе горячий чай. На душе скребут кошки. За последние пару месяцев я маму обманывала не меньше десятка раз. И всё из-за Нины! Горький привкус лжи оседает на языке, и даже горячий чай не может его смыть.

Долго изводить себя в ожидании непонятно чего я не могла. Уже час дня, а я всё пытаюсь дозвониться до сестры, но безуспешно. Ещё и слова Лены не дают мне покоя.

А что, если действительно какой-то там крутой мужик

приедет к нам домой?

Захожу в комнату, бросаю туда самые необходимые вещи: пижаму на бретелях, пару комплектов нижнего белья, крем для лица и домашний костюм. Родители Татьяны уехали на две недели за границу. Поживу пока у неё.

— Блин, Славка! Ты чего в такую рань припёрлась?

— Ты на часы смотрела? Рань... Почему у тебя телефон отключён?

— Потому что я спала. Выходной же!

— Как можно так много спать?! Ты во сне не писаешься? А то мне ближайшие несколько дней спать с тобой на одной постели придётся, — подруга лишних вопросов даже не задаёт. По моей собранной сумке и так поняла всё.

Сбрасываю с ног кеды и по-хозяйски прохожу на кухню. Беру с холодильника графин наливаю для себя стакан воды.

— Не переживай, подруга. Позывы в туалет я чувствую. Иду, справляю нужду, а потом снова ложусь баиньки.

— Ужас. Как так можно?

Действительно не понимаю, Танюшка у меня может спать круглыми сутками.

— Ничего ужасного, Ярослава! — порхая по кухне, подруга достаёт чайные приборы. — Сплошные плюсы! И настроение хорошее, а главное, во сне кушать не хочется! — демонстративно закатываю глаза, опускаясь на стул.

— Таня, ты знаешь подробности того, что вчера произошло в клубе? — судя по тому, как помрачнело лицо подруги,

она всё знает.

Не сводя с меня пристального взгляда, Татьяна опускается на стул напротив меня.

— Да, Слава, я знаю. Тигран вчера мне звонил ещё раз! Спрашивал твою фамилию.

— Зачем?

— Сразу говорю, я ответила на автомате! Потому что уже легла спать и была в полудрёме. Я сразу не сообразила, что к чему. Потом он уже трубку не брал, и я позвонила Владу...

— повисает пауза которая в считанные мгновения натягивает нервы мои до придела. — Подруга, Нинка совсем с катушек слетела!

— Говори всё как есть! Без вот этих твоих «не хотела расстраивать».

Таня тянется к моему бокалу с водой и лишь когда осушает его до дна, говорит:

— Она со своим каким-то другом подметила одного из подпитых мажоров, который в подарок только-только получил крутую тачку. Они подсыпали ему новый препарат.

— «Зелёного червя»?

— Ты знаешь? — подруга в удивлении округляет глаза.

— В общих чертах. Нашла номер телефона Лены. Ну той самой, помнишь? Которая вступилась за меня, не дала подраться мне с Ниной.

— Да-да! Я почему-то так и поняла.

— В общем, она мне сказала о том, что Нина кому-то да-

ла этого самого червя, и этот мажор оказался племянником очень крутого мужика!

— Не просто крутого мужика, Славка. А некий Бараев Сулим. Влад сказал, он сам Сатана! — от этих слов подруги по коже проносится озноб. — Он не из нашего города, — продолжает Татьяна. — Короче, мы с тобою прям вовремя ушли оттуда! Практически всех, кто находился в клубе, перепроверили. И это несмотря на то, что по камерам проследили. Поняли, кто и что. В общем, Нинка со своими подельниками смылась. Всех посетителей отпустили, а после... — Таня от волнения торопливо делает глоток уже своего чая. Обжигая губы и язык подруга морщится, но продолжает: — В клуб уже среди ночи приехали все крутые дядьки нашего города. Владик сказал, что и Тигран очень боится этого самого Сулима. Кажется, его все боятся! — от волнения Таня говорила чуть сбивчиво, но я старалась уловить и правильно понять каждое слово.

— Что ещё Влад сказал?

— Влад сказал, что сестре твоей пиздец! — мы синхронно подпрыгиваем от испуга.

— Капец, напугал, Влад! — брат Тани швыряет на стул свой рабочий пиджак, достаёт из шкафа бутылку с этикеткой «пять звёзд» и, откупорив её, делает прямо из горла несколько жадных глотков.

— Ну рассказывай уже, что там?

Смерив сестру тяжёлым взглядом, парень усаживается за

стол. Таня, спохватившись, начинает суетиться и накрывать на стол.

Несмотря на то, что нас съедает любопытство, терпеливо ждём, пока брат Тани наестся. Когда он голодный, то очень злой. Всё равно ничего не расскажет.

— Я таких людей никогда не видел! — наконец Влад заговорил сам. — Блядь, он когда только вошёл, отвечаю, девки! Все наши авторитеты чуть в штаны не наложили.

Кажется, Таня не дышит, так же как и я.

— Я его сначала, получается, со спины увидел. Вроде обычный мужик, с меня ростом, может, чуть-чуть выше.

Неосознанно зачем-то провожу параллель между собой и этим Сулимом. Влад чуть выше среднего роста, выше меня на полголовы, получается, что этот самый Сулим почти на голову меня выше.

— А когда он повернулся... Бля! У него реально мёртвые глаза! Смотришь, как в бездну, — Влад снова покосился на бутылку со спиртным, но пить не стал. Он вообще редко пьёт.

— Так что всё-таки там произошло? — сейчас меня больше волнует именно это. — Что учудила моя сестра?

— Нинка уже давно связалась с шайкой Кастета! — хмурю брови. Кажется, я где-то слышала это прозвище, но всё равно мне мало о чём оно говорит. — В общем, если тупо по делу. Нинка подсела к племяннику Бараева. Крутанула хвостом. Ну, как она это умеет...

Нина очень красивая! Эффектная, ноги от ушей, не то что я. Без высоких каблуков совсем «штепсель». Нина всегда тщательно следит за собой. Именно поэтому мне вообще непонятно, что она делает в компании таких людей.

Я вдруг вспомнила, кто такой Кастет. Уголовник! Несколько раз сидел за воровство. Сейчас поднялся в криминальных кругах и занимается махинациями разного рода. Давид со своими друзьями как-то при мне обсуждал этого самого Кастета и его шайку.

— В общем, сыпанула она ему в бокал один из новых психотропных препаратов.

— Наркотик?

— Нет, Ярослава! Хотя точно не знаю, но вроде не наркотики, — Влад почесал затылок, — как я понял, эта дрянь действует конкретно на мозг. Делает человека полностью управляемым. Короче, за каких-то пятнадцать минут этот парнишка, как его... Хасан вроде. Написал для Кастета расписку, якобы отдаёт машину в счёт, как я понял, несуществующего долга. Плюс «Ролекс» за десять лямов.

— Я в шоке! Куда эта дура влезла?..

— Подожди, Ярусь. Самое говно-то не в этом, — напрягаюсь. Что может быть хуже? — Этот препарат даёт охеренную побочку. Вплоть до летального исхода, — я едва ли не свалилась со стула. Влад, дотянувшись, поддержал меня за локоть. Тепло его руки на мгновение пробивается сквозь ледяной ужас, сковавший меня, но тут же растворяется — это

всё прямо таки слишком, чтобы можно было успокоить простым прикосновением.

— Он...

— Пока живой! Но в себя ещё не пришёл.

— Капец! — всхлипываю, принимая из рук Тани стакан с водой. Холодная влага не приносит облегчения, и я ставлю стакан, едва не расплескав его: внутри всё дрожит, как натянутая струна, готовая вот-вот лопнуть.

— Знаешь, что первым произнёс Бараев, когда ему принесли полное досье на всю вашу семью? — сердце оглушительно бьётся о рёбра. — Шмару, что Хасану дурь подсыпала, из-под земли достать! Мать и сестру в расход!

Голова идёт кругом. Таня, так же как и я, бледнеет на глазах.

— Он когда это всё говорил, все вокруг как прислужники стояли. Никто даже рта не раскрыл. Хотя это не его город! — на последней фразе голос Влада чуть поддаётся эмоциям. — Через какое-то время Сокол осмелился, взял слово. И, на удивление, Сулим его худо-бедно выслушал!

— Сокол? Дмитрий Николаевич? — почему-то первым на него подумала. Поэтому несмело переспрашиваю.

— Он самый, Ярослава.

— А он что... Он с ними... это...

— Вот он так и сказал. Что ты, что тётя Ира, — вы как с другой планеты. Тихие, мирные, и что дальше собственного носа ничего не видите. Сказал о том, что Нина с детства бе-

довой была и вы не виноваты.

— А он что? Ну этот, Сулим, — Влад какое-то время помолчал, потом всё-таки сделал ещё один большой глоток коньяка, перевёл на меня тяжёлый взгляд и продолжил.

— Мне его смех ночами сниться будет. В самых кошмарных снах!

— Так до чего они всё же договорились? — к чёрту подробности, я сейчас в обморок упаду.

— Бараев сказал, чтобы Соколов не пытался разжалобить его. Но Сокол продавил тем, что Нинке плевать на вас обоих. Ваши жертвы бесполезны. Плюнет и разотрёт.

— Это неправда! — произношу резко, но сама не верю в свои же слова.

— Да, конечно! — с невесёлой усмешкой произносит Влад. В его взгляде — усталость человека, которому слишком часто приходится разбивать чужие иллюзии, и от этого мне становится ещё горче. В упор смотрю на брата подруги. — Ярослава, очнись. Нинка на системе уже почти год. Она уже давно не та, что раньше. Хотя и раньше особо не была покладистой.

Что такое система, я прекрасно знаю. И что уж говорить, подозревала, что сестра употребляет запрещённые вещества. Не только по её зачастую неадекватному поведению я это видела. У Нины сначала потерялся золотой браслет, что мама дарила ей на совершеннолетие. Через какое-то время серьги, сразу обе. И самый шок — это православный крест на золо-

той подвеске.

Я свои украшения стала прятать после пропажи кольца. Мне на восемнадцать лет мама подарила вместо браслета. Нина пару раз просила дать ей поносить мои украшения, и вид её в этот момент был странным. Я не дала. Услышала за это о себе много нового. До сих пор в ушах звенит её резкий, чужой голос, а в груди ноет то самое чувство — будто между нами выросла ледяная стена, и каждый раз, когда я пытаюсь к ней подойти, она только толще становится.

Мама на самом деле, думаю, тоже это всё понимает. Просто верить не хочет, ещё больше, чем я.

— Значит, он может что-нибудь сделать маме, — спохватилась я. Сердце колотится где-то у горла, перекрывая дыхание, и перед глазами на мгновение всё плывёт — я вдруг отчётливо вижу, как в нашу тихую квартиру врываются чужие люди, и не представляю, чем смогу её защитить.

— Нет! — на выдохе произносит Влад. — У Соколова был весомый аргумент, против которого Сулиму не нашлось что ответить. Его племянник тоже подсел на какую-то хрень. Пока что вроде так, баловался. Но Сулим не знал, и мать Хасана не замечала ничего подозрительного. И Ирина Валерьевна не видела, что происходит у неё под носом. Так часто бывает.

— Получается, Сулим прислушался к Дмитрию... Капец, я всегда думала, что он обычный водитель скорой помощи.

— Ага, и катается на Бэхе свежего года! — снова смотрит на меня, как на неразумного ребёнка. — Не знаю, прислу-

шался или нет! Но за тётъ Ирой вроде никого не отправил. Хотя лично мне кажется, он выслушал-то Соколова только потому, что он уже мужик в годах. А в культуре Бараева принято уважать старших, — не успеваю я выдохнуть, как Влад продолжает. — Сулим выслушал, и, как он сказал, принял к сведению! Но как он решит, хер его знает.

Я обхватываю себя руками, будто пытаюсь удержать внутри ту дрожь, что поднимается откуда-то из глубины, и про себя повторяю как мантру: «Пусть будет так. Пусть просто примет к сведению. Пусть не тронет её».

Влад отправился отдыхать в свою комнату. Вообще у него есть собственная квартира, но пока их с Таней родители в отъезде, он решил пожить с сестрой. Посторожить, так сказать, чтобы вечеринками квартиру не убила.

4 Глава

Мы с подругой уселись за ноутбук в её комнате. Включили какой-то дурацкий фильм, вообще первый попавшийся, считай, в который, в общем-то, ни я, ни она даже не пытались вникнуть.

Экран мерцал, отбрасывая тусклый свет на наши напряжённые лица, а в тишине комнаты каждый звук казался нарочито громким — будто сама обстановка подталкивала к разговору, который мы и так не могли обойти стороной.

— Ты реально не знала, что ваш сосед бандит?

— Даже подумать не могла! Я с детства его знаю. Добрый дядька. Конфетами в детстве частенько угощал. Даже намёка никакого не было. В её голосе сквозило такое искреннее недоумение, что на секунду мне даже захотелось поверить, будто всё это — чья-то нелепая ошибка, а не жестокая реальность.

— Да уж! Вот так живёшь и не знаешь, кто проживает с тобой на лестничной площадке. — Это да!

Поворачиваюсь на звук входящего голосового сообщения.

— От мамы! — поясняю подруге и нажимаю на плеер.

«— Ярушка, привет! Я добралась. Всё нормально. Перелёт был, конечно, очень утомительным. Устала жутко! Тут шумно. Ещё до отеля не добрались. В общем, Нина до меня дозвонилась. Свой телефон то ли разбила, то ли утопи-

ла... Я так и не поняла, что у неё там случилось. Она попросила, чтобы ты сегодня вечером к девяти часам пришла на Пушкинскую аллею, принесла ей вещи и деньги. Домой, говорит, уже не поедет. Голова болит. Отлежится у подруги до вечера. Она собралась на свадьбу Ермолаевой Галины. Помнишь, одноклассница её, Галя, пару раз ночевала у нас дома? Свадьба в Благовещенске! Деньги на поездку я ей перевести не могу. Она сказала, что с картой у неё что-то случилось. В общем, деньги знаешь где. Пятьдесят тысяч хватит ей на дорогу туда-обратно. И на подарок подруге. В общем, всё, моя золотая. Давай, целую тебя крепко. Сегодня, наверное, уже не позвоню, завтра, как время будет... Если вдруг что, голосовое отправляй. Люблю тебя, дочка. Пока-пока».

— Тань, ты это слышала? Пятьдесят тысяч в Благовещенск! Нинка совсем охренела, что ли? Мама эти деньги уже третий год копит на машину. А она сейчас хочет немалую сумму оттуда взять! Я сжимаю телефон так крепко, что пальцы белеют, а внутри всё кипит от несправедливости. Как вообще можно быть такой бессовестной?

Недолго думая, нажимаю на микрофон. Записываю для мамы ответное сообщение.

«— Мам, ты опять ей потакаешь? Ну что за ерунда?! Ты эти деньги столько времени копила... Пятьдесят тысяч? Ни фига себе, сестрёнка кучеряво гуляет! Она что, на самолёте лететь собралась? Тут-то расстояние — рукой подать! У неё на дорогу уйдёт от силы тысячи три-четыре. А остальные ей

на подарок? Серьёзно, мама»?!)

Голос срывается от обиды, и я на секунду закрываю глаза, представляя, как мама устало потирает виски, слушая мою вспышку гнева.

На моё удивление, мама в сети и прослушала сообщение почти сразу же.

— Ярослава, не трепи мне нервы! Я не знаю, на что ей там деньги. Может, платье купить. Ну правда! Она ведь поедет, и надеть-то нечего. Что она тебе в спортивном костюме на свадьбу пойдёт? Пусть отдохнёт. Действительно, уже сколько времени она сама не своя. Думаю, ей правда лучше отдохнуть, глядишь, всё наладится. Всё, Ярослава, целую тебя. Деньги — это не главное. Заработаем ещё.

— Ну вот, что за... Ну вот... Таня, как она это делает? Она всегда знает, как у мамы выпросить желаемое, на что надавить. Всегда находит подходящие слова. Это ведь не первый раз, когда мама даёт ей крупную сумму непонятно на что! Двадцать пять лет, а она ни дня не работала. А нет! Как я могла забыть! Неделью официанткой. И то после первого выговора уволилась и окончательно села матери на шею, — выпалила всё это подруге на одном дыхании. Слова вырываются потоком, и я чувствую, как на глаза наворачиваются злые слёзы — не столько от злости, сколько от бессилия что-либо изменить.

— Ярослава, ты не обижайся. Но Ирина Валерьевна сама это позволила. Насколько я помню, она всегда Нинке пота-

кала. «На день рождения любимой подруге нужен дорогой подарок, мама, дай», и тётя Ира даёт. А это ведь был для вашей семьи очень сложный период, особенно в финансовом плане. С ночёвкой на природу — пожалуйста! Не приехала ночевать... Тётя Ира хотя и высказывает ей, что переживала, и опять же — ничего страшного.

— Да знаю я это всё. Знаю, что мама должна была быть поостроже с ней.

— С другой стороны, Ирину Валерьевну тоже можно понять, — со вздохом уже спокойно произносит подруга. Она кладёт тёплую ладонь мне на плечо, и от этого простого жеста напряжение чуть отпускает. — Одна без поддержки мужчины! Хотя вы и девочки. Но, наверное, она не всегда знала, как поступить правильно.

— Тут ты полностью права! — даже как-то легче стало, что и подруга находит оправдание для моей мамы. — Мама часто говорит, особенно по отношению к Нине: «Я не знаю, правильно ли я поступаю!» Мама принимает все решения сама.

— Да уж! Лучше бы Ирина Валерьевна замуж вышла.

— Она не хотела, чтобы нас воспитывал чужой мужчина.

— Да, я помню.

Как бы сильно мне ни хотелось, но пойти против маминого слова я не могла. Хорошо, что Нина не знает, сколько на самом деле накопила мама денег. Иначе, я уверена, просила бы гораздо больше. Это я уговорила маму не говорить

Нине о том, что ей неплохо подняли зарплату. И тем более не говорить о том, что она копит на новую машину. На моё удивление, мама быстро согласилась со мной. Наверное, потому что она тоже понимает, что как только у неё вырисовывается хорошая премия или что-то вроде того, у Нины сразу возрастают потребности. Обязательно ей нужно будет на что-то очень необходимое. Сестру не волнуют наши проблемы, только свои.

Заходить в квартиру немного страшновато. Осторожно оглядываюсь по сторонам, пытаюсь понять, был ли кто-то в ней в моё отсутствие или нет. Бред! Паранойя!

Первым делом захожу в свою комнату. Беру ещё пару тетрадей, кое-какие учебники и немного вещей. После того, что рассказал Влад, мне стало действительно страшно! Таня настаивала, чтобы я взяла всё необходимое на две недели вперёд и домой, от греха подальше, пока не ездила.

Из маминого тайника беру нужную сумму. Хотя мама мне и прислала вдогонку сообщение о том, что я и себе могу тоже взять оттуда деньги, делать я этого не собираюсь! Понимаю, маме хочется, чтобы было всё по справедливости. Только вот если ещё и я буду делать так, как Нина, мама вообще никогда и ни на что себе не накопит. Денег, которые мама ежемесячно даёт нам на карманные расходы, мне вполне хватает. Пальцы чуть дрожат, когда я достаю купюры: в них — мамина усталость, её долгие смены, её мечты о новой машине, и мне невыносимо стыдно даже просто касаться их ради сест-

ры, которая этого совсем не ценит.

Смотрю время и понимаю: до назначенной встречи почти два часа. Решаю выпрямить волосы и сделать конский хвост. Подкрашиваю глаза и наношу блеск на губы. Всё-таки ехать через полгорода, чего как моль ходить? В отражении зеркала я вижу не себя, а какую-то чужую, собранную девушку — будто маска помогает спрятать страх и растерянность, которые на самом деле разрывают меня изнутри.

К Пушкинской аллее подъезжаю ровно в девять! Странно, но сестры нигде нет. Смотрю по сторонам. Несколько раз пытаюсь позвонить Нине, но бесполезно. Абонент по-прежнему вне зоны доступа.

Прождав сестру не меньше полутора часов, я всё же решаю вернуться домой к подруге. Поздно уже. Скоро и маршрутки перестанут ходить.

Чтобы пройти к нужной мне остановке, приходится идти через тёмный двор. К сожалению, редкие фонари — это болезнь нашего города! Иногда приходится пробираться буквально на ощупь... Вот и сейчас. Иду по тропинке вдоль гаражей. Страшно, жуть. А тут ещё какой-то шорох. Только хочу взвизгнуть от испуга, как слышу знакомый тихий голос.

— Не ори! — сестра хватает меня за руку и тащит в сторону. Заводит в проём между двумя железными гаражами.

— Нина, я всё знаю! — говорю прямо в лоб. Сестра оглядывается по сторонам. Дёргает рукой, мол, тише.

— Что ты знаешь? — злой, раздражённый голос сестры

меня уже не пугает. Я смотрю на неё и вдруг замечаю, как сильно она похудела, как осунулось её лицо. И как я раньше этого не замечала? От этой мысли сердце сжимается в болезненном спазме — хоть она и ведёт себя как чужая, она всё ещё моя сестра.

— Что ты в бокал племянника очень серьёзного мужика подсыпала какую-то дрянь.

— Меня попросили только отвлечь. Я ничего не подсыпала! Откуда я знала, что так получится.

— То есть тебя подставили?

— Да, меня подставили.

— Но тогда нам нужно просто поговорить с этим Сулимом и всё ему объяснить.

— Ты дура? — и смотрит в упор, будто интересуется на полном серьёзе. — Он и слушать нас не будет. В лучшем случае просто пустит пулю в лоб.

— А в худшем? — непонятно для чего спрашиваю я.

— А в худшем, отдаст своим мужикам, и те пустят нас с тобою по кругу. Ты даже представить не можешь, кто этот человек! — сестра говорит достаточно торопливо, оглядывается по сторонам, видно что боится быть замеченной. — Он перемалывает в пыль всех, кто ему негоден. Этот мужик был дважды женат, и обеих своих жён он убил. Ему даже ничего за это не было. — Страх ледяным потоком обрушивается на меня. Тело начинает трясти, и мне требуется время, чтобы прийти в себя и немного абстрагироваться. Сейчас не

об этом нужно думать. Следует поговорить с сестрой. Возможно, увидимся мы теперь очень нескоро.

— Тебя попросили отвлечь парня, чей дядя является настоящим чудовищем. И ты не побоялась?

— Откуда мне было знать, чей это племянник? Приехал парнишка на офигенно крутой тачке. Да ещё и в компании каких-то обсосов. Было видно, что выпили они нормально так. Такой шанс упускать было нельзя! — Ощущение, будто сестра прикусила язык. Сообразила, что явно сболтнула лишнего. — Так, короче, времени у меня нету! Ты вещи мне принесла?

— Да! Только мама не сказала, что брать. Тут нижнее бельё, пижама, спортивный костюм, домашний костюм, платья и твой брючный костюм. Из обуви не знала, что брать. Взяла балетки и твои мокасины.

— Отлично! Живём, Славка. А деньги?

— Странно, что ты про них спросила не в первую очередь, — тоном пытаюсь поддеть сестру. Только она даже ухом не ведёт.

— Мне нужно свалить из города как можно скорее, Славка. Если меня поймают, мне каюк!

— Что мне маме говорить? Я так понимаю, домой ты не вернёшься.

— Конечно, не вернусь! Я что, дура?

— Мама будет волноваться.

— Ой, всё! Знаю я. Я постараюсь ей звонить.

— Если не сможешь ей часто звонить, скажи, что нашла работу, а лучше в самом деле её найди. — Нина никогда не перезванивает сама. За редким исключением, если ей что-то нужно от мамы.

— Двадцать пять лет, а всё с мамы деньги тащишь, — не смогла удержаться от колкости.

— Не хер мне морали читать! — снова так зло, что мороз по коже. — Всё, вали давай.

— Куда ты поедешь? Не в Благовещенск же!

— Нет, не в Благовещенск! Меня там быстро найдут.

— А куда тогда?

— Пока сама не знаю. Ну, как минимум, за тысячу пятьсот километров отсюда.

— Ясно.

— Всё, вали, — разворачивается, делает шаг, останавливается, смотрит очень странно. — Подожди. Мне ехать долго. И, скорее всего, автостопом. Кто меня в таком виде подберёт? — показывает на свой спортивный костюм. — Раздевайся.

— Ты вообще уже, что ли? Я тебе вот вещи принесла.

— Мне в джинсах удобнее будет.

— Куда тебе мои джинсы? Ладно, пуловер, он свободный...

— Раздевайся! — снова этот злой рык.

Ну её в баню. Пусть подавится. И вообще я поскорее уйти отсюда хочу.

Быстро стягиваю с себя одежду прямо посреди, считай, улицы, пусть и в тёмном закутке. Нина отдаёт мне свой костюм, который явно удобнее джинсов. Для поездки самое то, на мой взгляд.

— И это... Домой не иди. А лучше тоже уезжай!

— У меня как бы учёба.

— Как хочешь!

Возможно, со стороны может показаться, что я совершенно не волнуюсь за сестру. Равнодушна к её проблемам. Но это не так! В душе всё переворачивается. Под рёбрами всё горит огнём. Но сделать я ничего не могу. Убеждаю себя в том, что сестра сама выбрала этот путь. И её никто в это всё не втягивал. Сама сделала свой выбор. Слезы подступают к горлу, и я глотаю их, не позволяя пролиться: если заплачу сейчас, Нина только разозлится, а мне нужно, чтобы она хотя бы на секунду увидела, что я всё ещё люблю её, несмотря ни на что.

Если хорошо подумать, её всегда тянуло на приключения. С самой юности она была в восторге от шумных компаний, и чтобы алкоголь рекой. Нет, она не пила с малолетства. И не являлась частью сомнительной компании. У сестры были вполне нормальные друзья. Только всё же интерес к «особой культуре» она начала проявлять, наверное, лет с пятнадцати.

Мы с сестрой даже толком не попрощались. Она ушла первой, даже не обернулась в мою сторону, хотя озиралась по сторонам. Я вышла из укрытия минут через пять, примерно.

Вечерняя прохлада всё же дарит толику успокоения. Даже удаётся сделать несколько глубоких вдохов грудью.

Пересекаю дорогу и, уже будучи совсем рядом с остановкой, улавливаю движение за своей спиной. За размышлениями не сразу поняла, что меня окликнули. Ко мне подошёл высокий симпатичный мужчина, но своим суровым видом он здорово меня пугал. Я вся сжалась от испуга. Тёмные волосы, немного раскосые глаза и густая чёрная борода.

— Лесных... — рядом на большой скорости промчался мотоцикл. Я расслышала только свою фамилию и, на автомате кивнув, ответила: «Да». После этого мужчина грубо схватил меня за локоть и протолкнул чуть вперёд. Я даже понять ничего не успела. Успела только заметить, как рядом остановился огромный тонированный внедорожник, в который меня и затолкали. Мир вокруг сжался до узкой полоски света между дверьми машины, и на долю секунды мне показалось, что это просто страшный сон — вот сейчас я проснусь, и всё будет как раньше.

Мы едем достаточно долго. Точно не меньше часа! Судя по тому, что машина больше периодически не тормозит на светофорах, понимаю, что мы выехали за город. Ровная дорога сменяется щебнем, потом начинает довольно сильно трясти. У меня связаны руки и во рту кляп. Потому что, как только меня запихнули в машину, я начала вырываться, махать руками и ногами и дико орать.

Пока меня ведут, — хотя какой там ведут? Тащат за ло-

коть, — я несколько раз спотыкаюсь.

— Ноги поднимай! — строгий приказ.

Делаю, как мне велят. Раз, два, три ступеньки, и снова спотыкаюсь, на этот раз о высокий порог. Понимаю, что меня заводят в дом, пустой и совершенно не обжитый. Понимаю это по звуку и запаху. Поворот, несколько шагов, ещё поворот. Меня вталкивают, очевидно, в какую-то комнату. Кубарем валюсь на пол и, пока есть возможность, сгруппировавшись, ложусь удобнее на пол, скручиваюсь и через кольцо рук просовываю ноги. Быстрым движением срываю повязку с глаз.

— О, какая тут соска! — довольно скалится коренастый мужчина, что во время моего похищения сидел за рулём. — Что босс сказал, Халим? — обращается он к тому самому амбалу, который нагнал меня у дороги и затолкнул в машину.

— Сейчас узнаем. Клоп докладывает Сулиму.

Делаю глубокие вдохи, хочу заглушить рвущуюся наружу панику. Сидя на полу, старательно пытаюсь отвлечься. Оглядываю комнату. Мне нужно понять, где я нахожусь. Большой деревянный стол, стул, старые обшарпанные обои. На окнах решётки, плотная занавеска отодвинута в сторону. Никто из мужчин больше не пытается закрыть мне глаза. Значит, лица они не скрывают. Здесь два варианта: либо им нечего бояться, либо живой мне отсюда не выйти. От страха выкручивает мышцы. Почему-то я склоняюсь больше ко второму вари-

анту. Холодный пол обжигает кожу, и я пытаюсь сосредоточиться на этом ощущении, чтобы не дать панике полностью поглотить меня.

Пока в пустующей комнате полная тишина, от этого мне становится ещё страшнее. Нервы выкручивает так, что я чувствую физическую боль.

Буквально через пару минут входит тот самый Клоп. Прозвище очень даже подходит мужчине. Маленький, толстенький, какой-то совершенно неказистый.

— Ну, что сказал босс?

— Сказал, что будет через час! К этому времени девка уже должна выдать всю информацию о своих подельниках, — тот самый симпатичный мужчина с раскосыми глазами, что до чёртиков меня пугает, ленивой походкой приближается ко мне, хватая меня за плечо и, рывком подняв, грубо усаживает на стул, и тут же махом ноги плотно пододвигает этот самый стул вместе со мною к столу.

— Давай, красotka. Рассказывай всё как есть. Не заставляй нас портить твоё прекрасное личико, — говорит он вполне спокойно.

Только сейчас понимаю, насколько я сильно от шока напрягла глаза, они буквально горят от боли.

— Ну смелее, кошечка, — подгоняет тот, что называл меня соской.

Двоим мужчинам, тому, который Клоп, и второму, что сидел за рулём, когда мы сюда ехали, в районе тридцати се-

ми—сорока лет. А вот тому, который втолкнул меня в машину, Халим, ему точно за сорок пять. Хотя выглядит он очень хорошо. Крепкое подтянутое тело, мужчина довольно ухоженный, видно, что следит за собой. Плюс дорогой костюм.

Его истинный возраст выдаёт разве что мудрость во взгляде, ну и едва заметная сеть морщинок — я успела их заметить, когда он подошёл ближе, чуть сощулив глаза. В этом взгляде не было ни капли сочувствия, только холодная расчётливость, и от этого по коже бежали мурашки: я понимала, что передо мной человек, для которого чужая боль не вызывает ни малейших эмоций.

Я это понимаю, не стоит обманываться. И то, что они говорят со мной спокойным тоном, абсолютно ничего не значит. Я чувствую — это всё притворство. Только я об этом подумала, Клоп ударяет ладонью по столу так неожиданно и громко, что я, вскрикнув от испуга, подпрыгиваю на стуле. Звук раскатился по комнате, как удар грома, и на секунду мне показалось, что даже воздух стал гуще, тяжелее — будто сама комната сжималась вокруг меня.

— Говори, давай! — кричит очень громко, — жрать охота, — продолжает уже тише, и голос при этом уже не добрый. — Мы за тобой по всему городу гонялись. — По твоей милости, между прочим, Бага! — говорит Клоп это уже не мне, а мужчине, что привёз нас сюда. — Давай, развязывай ей язык теперь.

— Ну, блять, мы как бы все четверо её проебали. Никто

же не заметил, когда она зашла в подъезд. Соответственно, и не поняли, когда она оттуда вышла.

— Если бы Тигран не позвонил, не сказал, что видел её около торгового центра, вы бы до сих пор сидели у её подъезда.

О чём они говорят? Какого торгового центра?

Нет! Там недалеко есть один, но я не была около... О боже! Кажется, я поняла. В груди всё оборвалось, и я вдруг отчётливо вспомнила: днём я заходила в тот самый магазин за водой, и кто-то тогда скользнул по мне взглядом чуть дольше обычного. Неужели они следили за мной всё это время?

Перевожу взгляд от одного мужчины к другому. Халим снова смотрит на меня. Уголок его губ приподнимается в ухмылке, обнажая белоснежные зубы. В этот момент подходит тот, что был за рулём, — Бага. Он хватает меня за подбородок так больно, что из глаз моментально брызжут слёзы.

Я пытаюсь взять себя в руки, не плакать. Хотя я даже не всхлипываю. Но слёзы от нервного перенапряжения самопроизвольно нескончаемым потоком льются из глаз. Я стискиваю зубы до хруста, пытаюсь удержать хоть каплю достоинства, но тело предаёт меня: дрожь пробивает каждую мышцу, и я чувствую себя беззащитной.

— С кем ты работаешь? Имена, клички? Кто вам поставляет психотропы? — оттолкнул довольно резко, и моя голова при этом словно на верёвке качнулась в сторону.

Я только отрицательно мотаю головой. Не могу произне-

сти ни единого слова. Теперь близко подходит неказистый пухляш. Замахивается, хочет ударить, но его останавливает Бага.

— Стой, Клоп! Ты умеешь без синяков? Мало ли, как босс захочет распорядиться ею. Не порть товар.

— Нет, я не умею без синяков.

— Давай тогда я! — он отходит чуть в сторону. На стуле, как мне кажется, неслучайно лежит полотенце. Взяв его, он подходит к небольшой раковине в углу, которую я, скорее всего, от шока не сразу заметила.

Намочив полотенце, хорошенько его отжав, неторопливо движется ко мне. Этот мужчина с виду мне кажется наиболее спокойным, уравновешенным.

Но внешность обманчива...

Первый взмах. Лёгкий удар по спине.

Обжигающая боль, и снова не могу сдержать крик боли. Это действительно очень-очень больно. Сначала плечо простреливает, словно стукнули по нему огромной дубиной. Почти сразу боль перерастает в пульсирующую. Спустя пару минут после удара уже вся рука просто горит огнём. Каждая клеточка тела вопит от боли, и я пытаюсь мысленно отстраниться, представить себя где-то далеко, там, где тихо и безопасно, но реальность не отпускает — она бьёт снова и снова.

— Отвечай! — крик настолько громкий, что снова каменею от страха. Сердце колотится. Пытаюсь делать глубокие вдохи. Хочу взять себя в руки. Слезами я их не разжалоб-

лю. Они только усмеваются. Думаю, мои слёзы им видеть, напротив, очень приятно.

Ещё раз глубокий вдох и ещё один.

— Я не знаю ни о каких поставщиках, — наконец удаётся произнести.

Снова удар! На этот раз по лицу.

Как же унижительно...

Плотно стиснув челюсти, пытаюсь подавить новый приступ паники. Вопросы повторялись одни и те же. Ни на один из них я не знала ответа. Где-то в голове снова мелькает: «Они меня перепутали с Ниной».

Эта мысль крутилась на грани моего сознания. Только вот из-за боли уже во всём теле я не могла выстроить свои мысли. Бага хлестал меня по рукам и ногам, я несколько раз падала со стула, меня поднимали и усаживали обратно за стол.

— Что же ты такая неразговорчивая, Нина! — уже и не понимаю, кто именно говорит. Даже глаза с трудом получается держать открытыми. Тяжесть во всём теле за несколько минут буквально вымотала меня. Хочется лечь и уснуть, только вряд ли это удастся сделать. Боль не даст!

— Я не Нина! — я даже не могу понять, воспроизводятся ли мои слова вслух или же я просто беззвучно шевелю губами.

— Кого ты загоняешь мне, — кажется, Бага снова замахивается.

— А ну подожди! — повелительно подняв руку, говорит

Халим и выходит из комнаты. Буквально через несколько секунд возвращается, держа в руках зелёную папку.

— Я же спросил у тебя: ты Лесных Нина Альбертовна?!

— Я слышала только фамилию! — слова даются с огромным трудом. — На дороге было шумно. Ответила на автомате!

— Так ты Лесных у нас кто? — мужчина продолжает листать папку. — Ярослава! Правильно? — едва заметно киваю. Смысла нет отпираться или скрывать. Всё равно узнают.

— Почему сразу не сказала?

— Вы больше не спрашивали...

— Бляя, что будет сейчас! — произносит Клоп, как только слышит, что входная дверь с грохотом открывается, и практически сразу же в комнату входит тот самый Сулим. Его появление будто вытягивает весь воздух из комнаты — все замирают, даже дышать, кажется, перестают, и в этой звенящей тишине я чувствую, как последние остатки надежды на спасения рассыпаются в пыль.

5 Глава

Уверена, что это именно он. Тот самый Бараев Сулим.

Влад дал совершенно точное определение его глазам. Пустые, бездушные.

Он смотрит в упор на меня, и от страха внизу моего живота нестерпимый спазм. Ещё мгновение и, кажется, я вот-вот описаюсь.

Наверное, это бы и произошло, но Бараев отводит взгляд и мне становится на сотую долю легче.

Он ничего мне не сделает. Успокаиваю я себя. По крайней мере не убьёт. Меня ведь не за что убивать...

— Ну что, всё сказала? — кровь завибрировала в моём теле от властного голоса мужчины.

— Босс, накладочка вышла небольшая, — Клоп делает шаг назад.

Взгляд Сулима прожигает мужчин насквозь. Они тоже его боятся, до дрожи в голосе, до трясущихся коленок. Что уж говорить обо мне.

— Сулим! — а вот мужчина в дорогом костюме, кажется, не боится. — Это сестра Нины. Буквально только что выяснилось. Они похожи. По фото особо-то не отличишь.

Действительно, когда я накрашена мы с Ниной чем-то друг на друга похожи.

— И на хрен мне сестра? Мне нужна та сука, которая Ха-

сана опоила. С этой, — кивает в мою сторону, — и её мамашей — потом.

— Бага! Ты же докладывал, что Тигран именно старшую Лесных видел, — строго говорит Харис.

— Босс, вы позволите? — наверное этот Бага ответ прочёл в глазах Сулима, потому что только после пристального взгляда, нажав на телефоне буквально две кнопки, прикладывает его к уху.

Длинные гудки слышны даже мне. Тигран отвечает уже после второго.

— Да, Бага, слушаю!

— Ты кого видел, ушлёпок? — даже мне стало ясно, что Бага решил перед присутствующими показать, насколько он крут.

— Полегче со словами, — злобный рык на другом конце провода. — Я тебе и язык через жопу вырвать могу! — как бы Бага ни храбрился, слова Тиграна произвели на него эффект. На его лице это чётко отразилось.

— Ты позвонил, сказал, что видел у торгового центра эту суку, что Хасану “червя” сыпанула.

— Да, всё правильно! Я эту шлюшку хорошо знаю. Она частый гость в моих клубах. Перепутать не мог. В синем мешковатом костюме была. Волос растрёпанный. Стрёмным красным крабом на затылке заколот.

Сейчас мужчины снова обратили на меня внимание. Синий мешковатый костюм на мне, а вот волосы собраны в кон-

ский хвост.

— То есть с сестрой ты её не мог перепутать?

— Нет, конечно! Говорю же, Ярослава и ростом ниже, и волосы длиннее гораздо. Правда, Нина бывает парик носит. Но в клубе вчера точно без него была, — повисла секундная пауза, — подожди! Вы что, младшую Лесных поймали?

— Похоже на то! — снова пауза.

— Ярослава редко ходит по клубам, — пауза, — я её заметил с полгода назад. День рождения одноклассницы в моём клубе отмечали. Приглянулась она мне. Навёл справки. Оказалась, состоит в длительных отношениях с сыночком Маркара Агияна, бизнесмена местного. За последние пару лет неплохо поднялся среди наших. Вчера Ярослава чисто за компанию с подругой на открытие приходила. Они с сестрой как небо и земля! — снова секундная пауза. — Не портите девчонку! — несмотря на моё состояние, я смогла услышать нотки искренности в голосе Тиграна. А ещё, получается, Тигран заочно меня уже знал.

— Не тебе решать, Гуладзе! Как босс скажет, — и отключается.

Сулим снова переводит на меня свой взгляд.

— Значит с сестрой встречалась! — не спрашивает. Утверждает. — У вас пять минут, — и выходит за дверь.

— Итак! Хорошая девочка Ярослава. Давай по-быстрому рассказывай, зачем встречалась, а главное: куда поехала твоя сестра? — если они меня ещё раз ударят, я точно сойду с ума.

— Я... вещи... я относилась...

— Давай по порядку! Как она с тобой связалась? — строго обращается ко мне Харис.

— Со мной никак. Маме позвонила. А мама мне сообщение голосом... — прикусываю язык. Зря я упомянула маму. Идиотка. Мой телефон, так же как мой рюкзак с вещами, находился у Баги. Он достал смартфон и подал его мне. Я сразу поняла, что ему нужно разблокировать экран. Колеблясь всего пару секунд, вспоминаю, что ничего особенного там нет, за исключением того, что мы с мамой обсуждаем её накопление. Пальцем перебираю по клавиатуре настолько быстро, что вряд ли кто-то из мужчин сумеет запомнить код. Тем более, он не короткий. Харис забирает гаджет и сразу включает запись на ускорение. Внимательно прослушивает наш с мамой диалог.

— Куда сестра поехала? — совершенно спокойным тоном повторяет свой вопрос Харис. Он тоже понимает, сестра явно не в Благовещенск поехала.

— Я не знаю, — заметив взгляд Клопа на себе, снова дёргаюсь от испуга, и повторяю опять, только уже куда быстрее и более нервным голосом. — Я правда не знаю! Честное слово. Мы с сестрой в последнее время очень сильно отделились друг от друга. Не знаю я куда она поехала, не знаю! — снова вскрикиваю от боли, следом идёт ещё один удар и ещё.

Боковым зрением вижу, что вернулся Сулим. Посмотрел на происходящее безразлично. Всё тем же пустым взглядом.

Его телефон снова ожил, он принял вызов и вышел. А хлесткие удары продолжились.

— Я не знаю... — говорила сквозь тихий, истерический плач. — Я правда не знаю.

Удары наконец прекратились. Не уверена, но кажется остановил их мужчина с раскосыми глазами. Он выдохнул, явно раздумывал над чем-то. Хотел что-то сказать, но вернулся Сулим.

Ледяной страх с новой силой сковал мои нервы.

— Вы тут что, втроём одну бабу не может расколоть? — огромная рука обхватывает мой затылок. Резкий рывок и вот я распластана на столе. Сулим даже не пытается рассчитать силу. Вжимает меня в стол и шипит в ухо.

— Где. Твоя. Сестра, сука? — а я вся окаменела от страха. — Отвечай мне! — немного приподнимает мою голову и ударяет меня об стол. Впервые на физическом уровне я поняла смысл выражения «Искры из глаз!» — Ну? Я повторять не люблю.

Снова молчу. Просто не могу воспроизвести звук.

— Вышли все вон! — строгий приказ всем присутствующим.

Тяжёлая рука по-прежнему фиксирует меня. Хочу отстраниться, но кто ж мне позволит?

Слышу за спиной звук расстегивающейся пряжки ремня. Напрягаюсь и в следующую секунду мои штаны с треском спускаются вниз, больно при этом царапая мои бёдра. Ко-

нечно, я понимаю, для чего это всё делается. Не знаю откуда беру силы, но начинаю дёргаться. Пытаюсь вырваться.

— Нет, нет! Не надо, — рвусь из последних сил. — Я прошу вас, не делайте этого, не надо, не надо, — я быстро сорвала голос, потому как визжала и дергалась, не жалея сил. Вот только, что Сулиму мои сопротивления!

Звук расстегивающейся молнии даёт мне ещё один толчок к сопротивлению.

— Пожалуйста, у меня есть парень, — хриплю, захлебываясь слезами,

— Я бесконечно за тебя рад.

— Я не хочу, не надо, пожалуйста... — уже еле слышно. Резкий толчок бёдрами и мой ещё более громкий крик, на это раз от боли.

Я почувствовала, как и тело Бараева напряглось, но всего на мгновение. Второй, свободной рукой этот ублюдок, склонившись, взял меня под колено и приподнял мою ногу. Положил её на стол максимально раскрывая меня для себя. Надавил на шею так, что теперь я не только шевелиться не могла, но и говорить, потому что большим пальцем, Сулим сильно давит мне на подбородок. Снова толчок, и снова уже не крик, а просто хрип вырвался из горла. Ещё толчок, и ещё.

Чудовище медленно отстраняется. В голове шумит. На секунду мелькает надежда на то, что Бараев заметил, что я девственница, и он не станет продолжать.

Да уж! Наивная дура...

Снова резкий выпад бёдрами и снова жгучая боль. В этот раз издаю лишь болезненный стон. Силы закончились. Тело ноет, пульс стучит в висках. Такое ощущение, будто я под водой и глаза открыть не могу. Я чувствую только, как сильные толчки таранят мою промежность. Пытаюсь абстрагироваться, не думать о том, что происходит.

Бараев размеренными, размашистыми движениями снова и снова погружается в меня. В какой-то момент мне начинает казаться, что это никогда не кончится.

Спустя немного времени боль притупилась, оставив только неприятное жжение и довольно сильное распираение. В какой-то момент мне всё же удалось абстрагироваться.

Я не тут, и происходит всё это не со мной! Все мои мысли сейчас о Давиде. Это всё... Это конец! Даже если на секунду представить, что мой молодой человек сможет всё понять, и он простит меня. Всё равно со мной быть Давид не сможет! И не только потому, что его родители перед свадьбой захотят проверить мою чистоту. Он сам не сможет переступить через себя. Уж слишком сильно он берёт меня для нашей первой брачной ночи.

О том, что наконец всё закончилось, я поняла только в момент, когда сползала по столу на грязный холодный пол. Не уверена, но кажется, перед тем как выйти из комнаты, он мне велел одеться.

Шевелиться не хочется, но до моего воспалённого мозга доходит, что ко мне могут присоединиться, как минимум,

ещё трое!

Руки дрожат, пальцы не слушаются. Натянуть брюки получилось с большим трудом. Про себя, с досадой усмехнулась: «Хорошо, что отдала джинсы сестре. С ними, я бы точно не справилась».

Чувствую, как сильные руки поднимают меня. Ставят на ноги, но они меня не слушаются. Харис смотрит на меня как-то странно. Всего на мгновение поймала его взгляд. Он снова пытается поставить меня на ноги. Заставляет спиной опереться на него.

Всего пара мгновений и мне удаётся ощутить твёрдый пол. Перебираю ногами, кажется, получается...

Меня выводят на улицу и по заросшей травой тропинке снова ведут к машине.

— Бага, я не понял. Куда вы её? — слышу, как Клоп задаёт вопрос за моей спиной.

— Босс сказал, хороша сука! Повезём на квартиру. Наверное, ещё поиграть хочет.

— Повезло девке! Поживёт ещё малёха.

— Не уверен, что повезло... — дальше я не слышу, потому что захлопывают дверь. Какое-то время в салоне нахожусь одна. Единственное, чего сейчас хочется — это прекратить своё существование... Тут же одёргиваю себя! А как же мама? Что будет с ней?

Прикрываю глаза. Передо мною снова образ Давида. Слезы горячими струями текут по щекам, в груди настолько

невыносимая боль, словно из меня вырвали душу. В этот момент я всем своим естеством ненавижу Нину. Как же сильно я её ненавижу!

Ради своего удовольствия, ради своих собственных интересов, она предала нас — меня и маму.

Господи, а если это чудовище и до мамы доберётся? Нет, нет. Лучше об этом не думать!

В салон пробирается свежий воздух. Клоп остаётся снаружи. Бага садится за руль, а Харис садится рядом со мною.

— Ты чего назад сел? Пристегнул бы девку наручника-ми...

— Да куда ей наручники? Ты посмотри на неё. Вот-вот свихнётся, — меня действительно всю колотило. От нервной дрожи стучали зубы, было так холодно... очень-очень холодно! Такое бывает редко. И только если сильно понервничаю накануне.

Например, в прошлом году один из наших учителей пообещал, что завалит весь поток за то, что не выполнили его задание и подставили перед ректором. Хотя он сам был виноват. Слишком поздно опомнился. Выполнить столь объёмную работу всего за одну ночь было нереально. Но, разумеется, он и слушать не хотел ничего.

Я тогда зубрила, как сумасшедшая. Да, впрочем, как и все. Очень боялась, что не сдам химию. А ведь она у нас является одним из самых важных предметов! Вот тогда меня трясло примерно так же. Хотя нет. Сейчас в разы сильнее.

— А чего Сулим так взбесился? — подаёт голос Бага.

— У Хасана была остановка сердца. Еле завели.

— Ну тогда понятно... Сулим ещё больше теперь жаждет крови, да, Харис?

— Бага, ты на Бараева всего сутки пашешь. Не суй свой нос, куда не следует. Он не любит этого. А увольняет он только вперёд ногами, так что захлопнись, лишнего не болтай и следи за дорогой. Темень вон какая...

Наступила полная тишина, и я погрузилась в собственные мысли. Думала ни о чём, и в то же время обо всём. Но только сложить и упорядочить поток своих мыслей я не могла. Всё мимо, всё сквозь меня. Единственное понимала — ничего хорошего со мной уже не будет!

В какой-то момент апатия поглотила меня полностью. И уже было всё равно куда меня везут и что теперь со мною будет.

Дорога казалась бесконечной! Я думала о сестре, о маме.

В какой-то момент я забылась, сама не поняла как. Я лишь почувствовала, как меня тормозят за плечи. Судя по тому, что я открыла глаза, я уснула! Хотя кажется, в этой ситуации это нереально. Скорее просто погрузилась в некую прострацию...

Мне было сложно дышать. Внизу живота всё дико ныло. Между ног всё горело огнём. Харис потянул меня за предплечье, на удивление не грубо. Краем глаза успела заметить мокрое алое пятно под собою. Боже... Это что? Первая

мысль — я где-то подзастыла и у меня начались обильные месячные. Но острая боль в промежности заставляет отвести наивные мысли. Какие месячные? Они закончились две недели назад. Этот ублюдок, этот монстр, животное, он просто порвал меня! Бараев, не церемонясь, своей дубиной таранил меня, как зверь. Без подготовки, совершенно на сухую. Скорее всего от этого и жжёт всё внизу.

На этот раз меня привезли на городскую квартиру. Старенький спальный район. Я знаю это место! Несмотря на то, что здесь старая архитектура, дома довольно ухоженные.

Здесь свой микроклимат! Люди, живущие тут, немного отличаются от остальных. А всё потому, что именно этот район славится живущими здесь многочисленными авторитетами. Это место даже полиция объезжает стороной. Впрочем, в этом районе достаточно редко что-то случается. Потому что крутые дядьки здесь именно живут, а соответственно “не гадят”, следят за порядком в своём “доме”.

Я даже не запомнила, в какой именно из домов меня завели. Поднявшись на второй этаж, глазами уловила лишь тяжёлую двойную дверь. Железное полотно, сменяющееся деревянным.

Меня провели в пустую комнату, в углу которой лежал старенький, но чистый матрас.

Как я поняла, изначально Харис хотел запереть меня, но почему-то остановился в дверях. В руках у него оказался мой рюкзак. Только сейчас его заметила. Мужчина бросил его на

пол, и проговорил:

— В доме кроме тебя никого нет! На окнах решётки, стены толстенные, — трижды постучал кулаком по одной из них. — Так что, кричи не кричи, никто не услышит. Душ по коридору налево. Как оклемаешься, прими обязательно. И не чуди! — добавляет, — разозлишь Сулима ещё больше — пожалеешь!

— Что же он сделает, убьёт меня? — и добавляю еле слышно, — так мне плевать...

— В том-то и дело, Ярослава. Сулим считает: смерть — это привилегия! А ты и твоя семья этого не достойны, — несмотря на то, что в голове сплошная каша, я прекрасно поняла о чём говорит этот мужчина.

— Что с нами теперь будет? — всё же решаю спросить.

— Я не знаю! — отвечает с невесёлой усмешкой. — Правда, не знаю... Сулим уже много лет выжигает перед собою землю. Не щадит никого. С вами с самого начала всё не по плану, всё неправильно... Не знаю, что будет с тобой и твоей матерью! Вчерашней ночью точно знал, а сегодня уже нет! А про сестру свою лучше забудь!

И он ушёл.

Я совершенно без эмоций, глядя лишь в одну точку, какое-то время лежала на голом полу. Постепенно голова стала соображать. Я всё же поняла, что мне необходимо умыться, привести себя в порядок. Плевать, если Бараев придёт прямо сейчас и увидит меня вот такую: мятую, грязную, в крови.

Это нужно именно мне, потому что чувствую я себя отвратительно, и меня от самой себя тошнит.

С трудом поднявшись на ноги, выхожу за дверь. Иду по коридору и безошибочно нахожу нужную мне дверь в душевую. Хотя душевая тут — одно название. Пол, выложенный плиткой, и слив в углу. К стене прикручен держатель, в который вставлена, кажется только замененная, новая лейка. Смеситель тоже новый, отмечаю я.

Вообще, несмотря на то, что квартира пустая, она чистая, и в ней, кажется, хороший ремонт. Только душ немного подкачал...

6 глава

После прохладного душа мне стало ещё немного легче. Мелкая дрожь, конечно, никуда не делась. Но боль притупилась. Стало чуточку легче дышать.

Полотенца не было, поэтому я какое-то время просто стояла с выключенным душем, ждала пока с волос стечёт вода и тело немного подсохнет.

Хорошо, что я взяла ещё пару комплектов белья, даже не представляю, что бы я сейчас делала, не будь у меня вещей. Надеваю бриджи и хлопковую длинную футболку, я очень люблю ходить в ней дома.

Возвращаюсь обратно в комнату. На этот раз сажусь на матрас. Я посмотрела, слава богу, кровь перестала бежать. Надеюсь, средства личной гигиены мне не понадобятся, потому что они были в той первой сумке, которую я оставила у Тани. В рюкзаке нахожу свою старую расчёску с зеркальцем, привожу спутанные волосы в порядок. Они привычно завились, выпрямить возможности нет. Да и ни к чему это, наверное.

Опухшие глаза и залегшие под ними тени. Да уж, моль серая. Хотя в данный момент красоваться мне не перед кем. Плевать, в каком виде я предстану перед своим мучителем!

Какое-то время сижу и озираюсь по сторонам. Ловлю себя на мысли, что всё же жду нашей встречи. Жду и боюсь одно-

временно. Делаю несколько глубоких вдохов. Ещё не хватало снова впасть в панику. Вдох-выдох, вдох-выдох, даю себе установку больше не плакать. Что бы не произошло, я должна быть сильной. Я должна поговорить с этим Сулимом и понять, что он хочет конкретно от меня? Я ведь действительно не знаю, где Нина! Мне очень страшно. Страшно за себя. Но ещё больше мне страшно за маму.

Конечно же, телефон мне никто не отдал. Вот я дура! Надо было попросить, чтобы Харис дал мне хотя бы голосовое маме отправить! Почему-то мне кажется, он бы позволил...

Время, наверное, около трёх ночи. Только подумав об этом, решаю, что лучше улечься и немного поспать. Я не знаю, что будет завтра! Какое завтра? Я не знаю, что будет в следующую минуту. Силы мне нужны хотя бы для того, чтобы сопротивляться. Свернувшись калачиком, укладываюсь на матрас.

В комнате довольно комфортная температура. Из рюкзака достаю лёгкую олимпийку, её накидываю себе на плечи. На своё же удивление, уснула я быстро.

Я слышу какой-то шорох. Мама снова на кухне, готовит завтрак. Хотя звуки совершенно не те. Открываю глаза и мне хватило всего пару секунд, чтобы осознать, где я и вспомнить весь тот кошмар, который произошёл со мной вчера.

На мгновение прислушиваюсь к себе. Боли уже практически нет. Пытаюсь сесть. Морщусь от дискомфорта, вот он,

всё-таки присутствует. Но боли уже точно нет! Притянув к себе колени, я смотрю на дверь. Слышу, как неспешно приближаются тяжёлые шаги.

Сулим не смотрит на меня. Он уставился в свой навороченный телефон. Пройдя в центр комнаты, он остановился, но взгляд от монитора не оторвал. По его лицу и всё тем же пустым глазам, в которых нет души, я не могу понять его настроение. Зол он? Или уже успокоился? Чего мне ждать и нужно ли готовиться к обороне? Потому что я просто так не сдамся! Не буду безвольной куклой лежать под этой машиной...

В нём, наверное, килограмм сто, или что-то около того! И что-то мне подсказывает, под черной водолазкой и серым пиджаком вовсе не жир. Господи, ну что я смогу сделать против него? Глубокий вдох, медленный выдох. Только не плакать...

Я боюсь поворачивать к нему голову, поэтому продолжаю смотреть перед собой.

— Зачем вы привезли меня сюда? — первая нарушаю тишину, устав дожидаться пока мужчина закончит читать что-то, наверное, всё же важное на своём смартфоне. — Что вам нужно?

— Вопросы здесь задаю я, — говорит спокойно, но мои мышцы в очередной раз скручивает от страха. — Где твоя сестра?

— Я уже говорила вам, что не знаю куда она уехала! Она

не сказала мне. Почему вы мне не верите?

— Наверное, потому что вы с матерью покрываете её, — от того, что этот бездушный человек упомянул мою маму, у меня невольно вновь затрясся подбородок, а я только что дала себе установку больше не плакать!

— Пожалуйста, — трещит моя гордость, гася весь мой пыл к сопротивлению, — только не трогайте маму! Я вас прошу, — голос сипнет, слова даются с огромным трудом. — Я сделаю всё, что хотите. Я постараюсь выяснить!

— Если уж я уже сутки не могу выяснить где она... Мы переломали большую часть её друзей, и ничего! Как же ты собралась искать её?

— Пожалуйста, не трогайте маму, — мужчина переводит на меня свой омертвевший взгляд. Мне стоит больших усилий выдержать его. Он не человек... Ледяной, бездушной Монстр. Мои слёзы не разжалобят его. Мужчина какое-то время молчал, изучал меня. Знаю, что сейчас перед собой он видит совершенно другого человека. Я смыла косметику с лица, и волосы завились. Но он словно и не удивлён! По крайней мере ни один мускул на его лице не дрогнул.

— Ты будешь греть мою постель. Пока не найдётся твоя сестра. Ты будешь отбывать за неё наказание. Выполнять любое моё желание. Всё, что я прикажу!

Я перестала дышать.

— Но я совершенно тут ни при чём, — пытаюсь вразумить Сулима.

— Ни при чём? Была бы ты ни при чём, не побежала бы на встречу с сестрой. Ты всё знала, — повышает голос, нагоняя на меня ледяной ужас. — Знала, что она натворила, и всё равно передала ей деньги и шмотки. Ты поменялась с ней одеждой, сбила с толку моих людей, и она успела улизнуть из города.

— Да, мне рассказали, что натворила сестра, — откуда-то во мне появилась смелость. — И я не уверена, что поступила бы так же, разыскивай её обычная полиция. Но мне также рассказали кто вы...

— В твоём лексиконе не должно быть слова «Нет»! — не обращая внимания на мои попытки оправдаться, Бараев сухо продолжил. — Всего один промах и мои люди навестят твою родительницу, — продолжаю шокировано смотреть на Сулима. Если он снова возьмёт меня так, как это было вчера, я просто не выдержу.

Перед глазами мелькает образ мамы. Боже... А если с ней что-то случится? Я не прощу себя...

— Я согласна, — едва шевелю губами.

— Что? Я не слышу, — всё он расслышал, просто издевается надо мною сейчас.

— Я согласна! — достаточно громко.

Сулим

Отвратительный город! Сырой и холодный. Сколько раз он предлагал сестре переехать поближе к нему. Упёрлась, ни в какую не хочет. Её покойный муж любил этот город. И дом,

в котором они живут с Хасаном, построил он своими руками. Хабиб был обычным трудягой. Конечно, Сулиму хотелось пристроить сестру к кому-то более влиятельному и состоятельному, но он чем-то взял семью Бараевых.

Выкуп за сестру Сулима собирал по крохам, но в грязь лицом не упал. Да они много и не просили. Сестра влюбилась, было видно, и они учли её желание. Тем более мужчина был их веры.

За двенадцать лет их брака никто из членов семьи ни разу не пожалел о том, что выдали Алише за простого человека. Они жили скромно, но тем не менее, ни в чём не нуждались. И дом построен, и деревья растут. Муж старшей сестры сам зарабатывал, не брезгуя ничем. Не было в нём предпринимательской жилки, не всем, наверное, это дано. После его смерти Сулим стал обеспечивать сестру. Она не хотела принимать помощи, говорила, что её репетиторства достаточно для того, чтобы прокормить сына. Но Сулим настоял, он не мог быть всё время рядом, он должен был быть уверенным, что сестре с племянником всего хватает. Знал, что Алише сама не позвонит и не попросит.

Он не видел сестру больше пяти лет. Приехал на совершеннолетие племянника спонтанно даже для самого себя. Просто решил посмотреть уже на взрослого племянника. И не зря приехал! Практически с порога понял — сестра с воспитанием сына не справляется. Понял, но подарил Хасану эту чёртову тачку, на которую и позарились эти ублюдки...

Бараев уже возвращался домой. Но уехать далеко не успел! Хорошо, что не сел в самолёт. Он перенёс рейс на утренние часы.

В соседнем городе у него были дела. Друг, живущий с ним практически по соседству в элитном столичном посёлке, попросил заехать и лично отдать документы своему партнёру. Из-за минутного дела лично ехать через всю страну Тумурзаригу не хотелось.

Поездка Бараева подвернулась кстати. Ему он точно мог доверять. Только это позволило Сулиму всего за пару часов вернуться назад в город.

Хасан сам позвонил дяде, уже хрипя в уборной, сказал про “Червя”, о котором Бараев уже слышал. Он уже успел встретиться с Саидом и передал ему документы, и Саид сам предложил Сулиму своих парней в помощь. Только уже спустя час Сулим понял, что они и в подмётки не годятся его людям. Даже охрана в доме Бараева намного квалифицированнее. Эти же — просто отморозки, что пытаются выслужиться, лизнув зад. Именно этого Бараев терпеть не может больше всего.

Переступив порог клуба Тиграна Гуладзе, Сулим не чувствовал себя уязвимым. Несмотря на то, что с ним из тех, кому он мог доверять, был только Харис, он вёл себя так, будто был на своей территории.

Он узнал её сразу, как только взглянул на фото! Когда Бараев открыл файл с подробной информацией о семье той

дряни, которая посмела опохмелить его племянника, с не совсем качественной фотографии, сделанной с клубной камеры наблюдения, смотрела на него ОНА.

Тогда девушка выглядела совершенно по-другому. Но это точно она, сомнений быть не может! Сулим увидел её пять лет назад. Когда приезжал к другу на свадьбу. Это было впервые после всего произошедшего. Тогда наконец он решил, что стоит выйти в свет!

До этого лишь пустой кабинет, стол и компьютер, за которым он вёл свои дела.

Нужные люди сами приходили к нему. Он решал все свои вопросы, не выходя из комнаты. Адам очень просил приехать к нему на торжество, он был Сулиму как младший брат. Рос на его глазах. Когда всё произошло, он один из немногих, кто поддерживал Бараева, как мог конечно, в силу своего юного возраста. Хотя Сулиму это и не нужно было, он понимал, что парнишка искренне переживает за него.

Из всего дерьма, что свалилось на Сулима, он выбрался сам. Хотя как выбрался?! Просто наплевал и уничтожил всё, что было ему когда-то дорого. Тогда Сулим уехал не только из своего города, но и из страны. Он слишком редко звонил своим родителям. Знал, что мать переживает. Знал, что простила его. Только он сам смотреть в глаза родителям не мог. На звонки их отвечал сухо, коротко, исключительно по делу. Никогда их диалог не длился дольше одной минуты.

Он полетел в Турцию! Торжество проходило в ресторане

на побережье. Поздравив друга, он почти сразу вышел на набережную. Прошёл чуть вперёд — он так давно не видел море...

Там он и увидела её. — Ярослава! — Теперь он знает её имя.

Тогда она была совсем юной. Лет тринадцать. Хотя какие тринадцать? Пять лет прошло. Теперь он знает и её дату рождения. Ей тогда было пятнадцать. Она стояла в цветном парео. Ветер раздувал её длинные кудрявые волосы. Они были влажные от воды. Он ещё тогда подумал, где же она смогла здесь искупаться? Закрытая территория. Как она вообще сюда попала? Он знал точно, гостьей она не была.

Потом он увидел старика, он работал сторожем на пристани у входа с другой стороны. Наверняка, он пропустил её! Сторож подозвал девушку к себе. Наверное, ругал за то, что подошла слишком близко к празднованию. Сулим сразу понял — девочка не из Турции. Приезжая! Просто туристка. Бараев смотрел ей вслед, до того момента, пока она полностью не исчезла из его поля зрения.

Вернувшись к гостям, он тут же выбросил её из головы. Но вот только она стала сниться ему. С того самого дня, она снилась ему каждую ночь. Всего лишь мгновение мелькала в его кошмарах. Вернее, образ её. То, как она стоит у причала и смотрит вдаль, на поднимающиеся от ветра волны.

Он никогда не думал о ней. Проснувшись, тут же забывал о её существовании. Спокойно работал, и уже не только сидя

в своём мрачном кабинете. Да, после той поездки он вышел из своей “пещеры”.

Ещё на свадьбе Сулим заметил то, как сильно его боялись. Бараев не понимал истинной причины, пока Адам не сказал: «Ты умер вместе с ними, твои глаза мертвы!» Он, глядя на себя в зеркало, конечно, ничего не замечал. Но видели другие. Со временем он привык видеть ужас на лицах людей, что осмеливались заглянуть в его глаза...

Сулим недолго рассматривал девушку на фото. По-прежнему, она не вызывала у него никаких эмоций. Но для себя он всё же решил. Девчонка останется при нём. Тогда он даже не пытался разобраться, почему принял такое решение.

Бараеву доложили о том, что поймали Лесных Нину, и он тут же поехал туда, куда вывезли её.

Сулим удивился, увидев перепуганную Ярославу вместо Нины, но виду не подал.

Свой вопрос задал он изначально правильно: «Ну что, всё сказала?» Несложно было догадаться — раз в этой комнате сидит она, а не Нина, значит была рядом, встречалась с сестрой. Он приказал разговаривать девчонку и ему было плевать, какие методы они используют. Возможно потому, что знал: там Харис, он не позволит выйти за рамки.

Сулим тоже не планировал переходить черту, он хотел напугать Ярославу и только. Почему-то решил, что непременно сработает. Только вот услышав, о том, что у племянника была повторная остановка сердца, просто с катушек слетел.

Ему нужно найти эту тварь! Он лично позаботится о том, чтобы с неё живьём стянули кожу.

Яра сама виновата в том, что Сулим потерял контроль! Он уже привык, что в его постели только элитные проститутки. За несколько крупных купюр готовые терпеть любые его эксперименты. Всегда покорные.

Не стоило девчонке сопротивляться! Не стоило дрожать под его руками. Это и сорвало ему крышу окончательно. Конечно, он убеждал себя, что сделал это, потому что она помогла сестре сбежать. Пусть радуется, что так, а не отдал парням.

Это было впервые, когда он не мог найти того, кто был ему нужен. Обычно на поиски кого бы то ни было уходили считанные часы.

Хорошо, что Харис поехал к его сестре вместе с ним! Без друга было бы куда сложнее. Харис был влюблён в Алише. Даже жениться на ней хотел. Сулим не дал. Знал, чем занимается Харис. Не хотел, чтобы сестра ночами выплакивала глаза в ожидании мужа.

Наконец к вечеру прибыли люди Сулима. Он быстро объяснил им суть дела и уже к ночи была первая информация по Нине...

Ярослава.

Харис забрал меня из пустой квартиры и отвёз в клинику. Молчаливая пожилая женщина быстро провела осмотр. Прямо в кабинете медсестра дала мне таблетки, после кото-

рых мне стало значительно легче.

Меня привезли в частный дом. Небольшой коттедж в два этажа. Чистые светлые комнаты, в гостиной белоснежный диван и большой телевизор. Я удивилась узнав, что могу его смотреть. Значит сидеть взаперти, в комнате, я не буду. Харис позволил мне отправить голосовое маме. Я сказала о том, что на учебе завал, и если не отвечаю на её сообщения, значит утонула в ворохе книг.

Я осмелилась попросить привезти мне остальные мои учебники, и вещи забрать от подруги. Мужчина долго прожигал меня взглядом, но поддался. Я отправила голосовое и для подруги. Влад должен всё привезти в клуб. Такая маленькая, но для меня радость. Только длилась она недолго. Харис пояснил, что Сулим может не одобрить, и в этом случае мои книжки пойдут на свалку.

В доме я осталась одна. Немного побродив по комнатам, уселась на манящий меня огромный диван. Вот окно, которое стоит на проветривание, а значит открывается, в него видно дорогу, но о побеге я даже не думаю. Сулим ясно дал понять — один мой промах, и они займутся моей мамой.

До самого вечера я довольствовалась теми книгами, что у меня были. Потом ко мне стал постепенно возвращаться страх. Наверное, таблетки, которые мне дали в клинике, перестали действовать.

Не дожидаясь, пока паника накроет меня снова, я поднялась на второй этаж, приняла душ и легла в постель. Харис

показал, какую из четырех спален я могла занять.

7 Глава

Утро встретило меня тёплыми лучами солнца. Сулим так и не пришёл ночевать. С одной стороны, я даже рада. Да чего уж обманывать себя? С другой стороны, — я тоже рада! Может мне удастся тихо отсидеться?

Да уж, было бы, конечно, неплохо, но нужно быть реалистом! Принимаю прохладный душ, чтобы взбодриться. Надеваю домашний костюм: свободные брюки и лёгкая кофта с длинным рукавом. Расчесываю волосы и спускаюсь на первый этаж. Сделав всего шаг от лестницы, замираю. В гостиной на диване лежит моя сумка, которую я оставила у Тани, а также книги и — не могу поверить своим глазам. Ноутбук?! Нет, не мой, конечно. Небольшой гаджет выглядит немного необычно, чуть более массивней. Ай, да какая разница!

Забыв про то, что собиралась выпить кофе, подбегаю к своим вещам. Сумка открыта. Видно, что её тщательно проверяли, но это и неудивительно. Разумеется, больше всего меня интересует ноутбук. У меня аж руки задрожали. Неужели есть доступ в интернет? А иначе для чего он ещё здесь может быть? Включается достаточно быстро. Всего пару секунд и все окошки прогрузились. Да их в принципе здесь не так и много! Нажимаю на цветной шарик, открывается окно. В правом нижнем углу светится wi-fi доступ, и я даже перестаю дышать...

— Вот, блин!

Разумеется, первым делом я пыталась зайти в соцсети, — и тут меня постигло разочарование. А чего, собственно, я ждала...

Переведя взгляд на ворох своих учебников, я ввожу первое, что приходит на ум. “Фасции и клетчаточные промежутки”.

А тут вся информация выплывает беспрепятственно. То есть у wi-fi ограниченный доступ. Но и на том спасибо! Возможно, когда моё заточение закончится, я смогу вернуться к учёбе и не буду слишком сильно отставать от программы. Если буду самостоятельно заниматься, то многое усвою. У меня довольно слабое здоровье и болею я не меньше трёх-пяти раз за зиму. Соответственно, пропускаю я много, но так как поболеть основательно я позволяю себе не более трёх дней, всё остальное время активно занимаюсь дома. Поэтому нагоняю программы достаточно быстро. Первый порыв — конечно же, сесть за учебники. А что ещё здесь мне делать, в телевизор пялиться? Поэтому сначала я всё же решаю, что для начала нужно позавтракать! Если я сейчас погружусь в свои методички, то оттуда не скоро вынырну.

В холодильнике овощи, фрукты, сыр, колбасы разных видов. Сыра, кстати, тоже четыре вида. В морозилке — мясо. Решаюсь полностью изучить кухню. В животе урчит, так как вчера абсолютно ничего не ела. Делаю наспех себе бутерброд, намазываю на хлебец тонкий слой творожного сыра,

сверху кладу кусочек сёмги. Дома у нас такое не слишком часто, но всё же мама старается побаловать нас “омега-три”.

Наслаждаюсь лакомством и лезу дальше. В шкафчике внизу преимущественно крупы. Посудомоечная машина; следующий шкаф — посуда: кастрюли и сковороды. В общем, домик, что называется, упакован: заходи, живи. Но чувствуется, что здесь никто и не жил. Скорее всего, Бараев арендовал этот дом.

Я заварила себе большую кружку чая. Поставив на поднос декоративную корзинку с печеньем и конфетами, делаю себе небольшую фруктовую тарелку и со всем этим добром перемещаюсь в гостиную.

Раскладываю всё на маленьком журнальном столике, утопая в мягких диванных подушках, усаживаюсь поудобнее и вдруг вспоминаю: у меня с собой конспекты, но нет обычных тетрадей, которые бы я могла использовать как черновики, пока нахожусь здесь.

Решаюсь пройтись по основным комнатам. Долго искать не приходится, уже вторая дверь оказывается кабинетом. Тут довольно консервативно. Стол, удобное кресло и небольшой диван у стены, а ещё зачем-то боксёрская груша в углу.

Ну да ладно. Главное, что на краю стола лежит уже распечатанная пачка листов формата А4, выуживаю оттуда небольшую стопочку, и ещё более счастливая возвращаюсь в свой уютный уголок.

— Что-то ты размахнулась, красавица! — с перепугу под-

прыгиваю на месте.

— Добрый день, Харис, — мужчина усмехается.

— И тебе не хворать! Я задал вопрос. Что за бардак ты здесь устроила? — спрашивает совершенно беззлобно и опускается в кресло.

— Где бардак? А, вы про еду на столе?

— И про неё тоже. Для еды есть кухня, для работы — кабинет.

— В кабинете не та атмосфера.

— В кабинете самая нормальная атмосфера. Ничто не отвлекает. Есть возможность сосредоточиться.

— Меня тоже ничего не отвлекает, — отвечаю, пожимая плечами. Чего вообще привязался, непонятно!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.